

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Свободное владение
Фарнхэма

Роберт Энсон Хайнлайн

Свободное владение Фарнхэма

Серия «Звезды мировой фантастики (Азбука)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65508166
Роберт Хайнлайн Свободное владение Фарнхэма Сборник:
ISBN 978-5-389-19792-3

Аннотация

Построить убежище от ядерного удара – накладно, но вполне возможно. Обжить его, обустроить... И вот некоторое время спустя, после того как произошло то, чего все боялись, вы наконец выходите из бункера на поверхность, а там... счастливое будущее Земли: высокие технологии и при этом каннибализм; мудрые рассуждения о свободе и при этом примитивное рабство. Роман о «свободном владении», написанный в 1964 году, многие из читающей публики считают едва ли не лучшим после знаменитого «Чужака» (1961). Во всяком случае по актуальности он не уступает последнему.

В сборник также вошли произведения, тематически примыкающие к роману: «Год Джекпота», повесть об американском Апокалипсисе, и большой рассказ «Иноздесь» – история о перемещении в пространстве и времени с

выходом в параллельный мир, причем с весьма неожиданными последствиями.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Свободное владение Фарнхэма	7
1	8
2	31
3	74
4	98
5	151
6	171
7	189
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Роберт Хайнлайн

Свободное

владение Фарнхэма

Сборник

Robert A. Heinlein

FARNHAM'S FREEHOLD

Copyright © 1964 by Robert A. Heinlein

THE YEAR OF THE JACKPOT

Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein

ELSEWHEN

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

Сборник «Звезды мировой фантастики»

Составитель Александр Жикаренцев

Перевод с английского Павла Киракозова, Владимира Ковалевского, Нины Штуцер, Михаила Пчелинцева, Александры Питчер

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Аникина

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)

за активную помощь при подготовке книги

© П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1991

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 1991

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994

© А. Питчер, перевод, 2021

© С. В. Голд, послесловие, 2021

© А. В. Жикаренцев, состав, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Свободное владение Фарнхэма

Алану Нурсу

– Никакой это не слуховой аппарат, – объяснил Хьюберт Фарнхэм. – Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

– Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами:

– К сожалению, Кремль не делится со мной своими секретами.

– Отец, перестань пугать наших дам, – сказал его сын. – Миссис Уэллс...

– Называйте меня просто Барбара, – перебила его молодая особа. – Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

– Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

– Учтите это, Барб, – заметила его сестра Карен. – В наше время бесплатные советы очень дороги.

– Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. Войны не будет.

– Надеюсь, вы правы, – спокойно сказала Барбара. – А почему вы так считаете?

– Потому что коммунисты – прежде всего реалисты. Они не рискнут начать войну, в которой могут понести потери, даже если будут уверены в победе. А тем более они не рискнут устроить войну, победить в которой не в состоянии.

– В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! А теперь еще это! Никаких нервов не хватит, – сказала мать. – Джозеф!

– Да, мэм?

– Приготовьте мне кофе. И бренди. Кафе-ройял¹.

– Да, мэм. – Слуга, молодой негр, убрал со стола тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

– Отец, – заметил молодой Фарнхэм, – а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервируешь ее своим паническим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

– Нет.

– Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

– Перестань, Дьюк!

– Сэр?

– Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились

¹ *Кафе-ройял* (Café royale) – черный кофе с бренди, долькой лимона и корицей (фр.). – Примеч. С. В. Голд.

оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права встревать между мной и твоей матерью – моей женой.

– Но, Хьюберт... – протянула его жена.

– Прости, Грейс.

– Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

– Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

– Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж... – Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. – Придется мне, пожалуй, найти собственную жену, чтобы действовать ей на нервы. Барбара, вы согласитесь выйти за меня замуж?

– Нет, Дьюк.

– Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, – поспешно вставила его сестра.

– Помолчи, Карен. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

– Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

– Что?

– Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье в каждой машине предусмотрен набор для выжи-

вания.

– Seriously?

– В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали к вам, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его, когда я опять поступила в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

– Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

– О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Пистолет...

– Вы умеете стрелять?

– Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?». Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал под спортзалом. А здесь... он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

– В этом нет никакой необходимости.

– Почему?

– Отец имеет в виду, – пояснила Карен, – что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей уютной норке.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот

объяснил:

– Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «причуда Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, несмотря на то что мы всего в десяти милях от базы стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

– Да, сэр! Это лучший способ сохранить свою зарплату.

– Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным сразу же, как только завоет сирена. И я тут же начну взимать с тебя за жилье.

– Мне тоже нужно будет платить за аренду? – спросила Барбара.

– Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

– Меня можно сбросить со счетов, – мрачно сказал Дьюк.

– Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

– Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, – и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в норе под землей.

– Как вам угодно, сэр.

– Сыночек! – Его мать оставила чашку. – Если будет налет, обещай мне, что ты укроешься вместе с нами в убежище. – На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем

вздыхнул:

– Если начнется налет – я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, – я, так и быть, полезу в твою нору. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

– В любом случае место для тебя там всегда готово.

– Хорошо. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

– Согласен. – Его отец поднялся и предложил руку супруге. – Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в бридж она играть не будет:

– Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и... Джозеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

– Может, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

– Мне не нужны лекарства. Я просто выпью еще кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой:

– Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом... Ты ее предупредила, сестренка?

– Держи свои предупреждения при себе, – посоветовал отец.

– Но она имеет право знать, папа. Барбара, молодящийся

грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен... кое в чем другом. И не думайте блефовать. Если у него на руках окажутся одни фоски...

– Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

– Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

– Ну что ж, по книге так по книге, – согласился Хьюберт Фарнхэм.

– По книге... – эхом отозвался его сын. – Вопрос только – по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начинает рассказывать, что если бы ты пошел с бубен...

– Господин адвокат, – прервал его отец, – может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

– Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

– Для меня это слишком круто, – поспешно сказала Барбара.

– К вам, девочки, это не относится, – ответил Дьюк. –

Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитрюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился в школе.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберта Фарнхэма.

Тот ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж — спокойно, вдумчиво, аккуратно, точно делая ставки, а в самой игре действовал порою просто блестяще. Она была в восторге, когда он, нахально сбросив туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется за этот уик-энд свести их с Дьюком, и признавала, что это неплохая идея. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой) и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с моло-

дой и цепкой хваткой.

Ей было интересно, собирается ли он подвалить к ней с нескромным предложением. Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. Почему люди думают, что...

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худошавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки. Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то ее трусики не смогли бы долго держать оборону. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, потекающей своим желаниям, когда у нее

под боком *такой* мужчина?

Эту мысль сменила другая – о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом. Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же. Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт:

– Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела:

– Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

– Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

– Занимается. Завтра у него контрольная.

– Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф – лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправданно. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не бес-

покоить Джозефа?

– Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

– И чего-нибудь закусить.

– Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло этакое несчастье – неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов... Но у Дьюка ее определено не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, клевавшей носом у телевизора.

– Грейс! – позвал он. – Грейс, дорогая, тебе пора ложиться.

Он помог ей дойти до спальни. Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

– Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время ужина.

– Ах, это! Да я уже и думать забыл.

– Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь моей «спасательной норы». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

– А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Со-

юз собирается напасть на нас, и надеешься, что эта норка в земле спасет твою жизнь. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для мамы. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне – *мне*, адвокату! – что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой. – Дьюк поднялся. – Пожалуй, я пойду.

– Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

– Что? Ну ладно, ладно. – Дьюк снова сел.

– Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, но ты в нем не одинок. Возможно, его разделяет большинство людей на земле, потому что основная масса американцев и пальцем не пошевелит ради собственной безопасности. Но как раз в тех вопросах, которые ты упомянул, ты не прав. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет нас в случае ядерного удара.

– Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

– Я ни разу не попадал в аварию, но всегда оплачиваю страховку. Этот бункер – мой страховой полис.

– Но ведь ты сам только что заявил, что бомбоубежище никого не спасет!

– Нет, я сказал, что сомневаюсь, что его будет достаточно. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс – цель первостепенного

значения, и ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

– Тогда о чем же беспокоиться?

– Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит – ведь русские не супермены, а ракеты штуки капризные. Я просто минимизировал риски. Это лучшее, что я мог сделать.

Дьюк колебался:

– Отец, дипломат из меня никудышный...

– Тогда и не пытайся быть дипломатом.

– В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколько лет с помощью этой норы в земле? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья – мертвы?

– Может, и нет.

– Тогда *зачем все это?*

– Дьюк, ты пока не женат...

– Это неоспоримо.

– Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщи-

на. А что касается меня... — он пожал плечами, — единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к нервному срыву.

— Если бы все было так просто... Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и подолгу могла оставаться трезвой. Она за весь день могла выпить один martini, а не четыре, как сегодня вечером, и ей этого хватало вполне, Дьюк. Грейс просто *необходимо* это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводешь ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора...

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя *жена*, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться *внутри* его. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?... В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у меня не будет этих минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно ра-

дио. Во время любого кризиса.

– А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

– Когда новости плохие, я сплю с пуговицей в ухе. Когда они плохие по-настоящему, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться сегодня к нам.

– Ну вот еще!

– Напрасно.

– Отец, если даже предположить, что атака возможна, – только предположить, потому что русские еще не сошли с ума, – зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место вдаль от любых возможных целей и не построил убежище там? Опять же, только предполагая, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул:

– Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

– Так заставь ее!

– Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен по возможности стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И...

Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот такая...

– Ну, продолжай же!

– Если эти лживые ублюдки когда-нибудь сбросят свои бомбы на Соединенные Штаты, я хочу прожить еще немного, чтобы отправиться на тот свет по первому разряду – в сопровождении восьми русских парней! – Фарнхэм выпрямился в кресле. – Я не шучу, Дьюк. Америка – лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере на мой взгляд; и если мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы нескольких из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

– Почему, папа?

– Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе, и... Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

– Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзетт. Почему вы оба такие мрачные? Опять плохие вести?

– Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, эти блины с хитрым названием великолепно пахнут! Предлагаю вам место повара.

– А как же Джозеф?

– Джозефа мы оставим мажордомом.

– Тогда я согласна.

– Хей! – сказал Дьюк. – Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

– Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

– Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец – известный сексуальный маньяк.

– Это правда, мистер Фарнхэм?

– Ну...

– Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы устали возить Джерри Гизлера из Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

– Да, славные были денечки! – согласился его отец. – Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

– Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад...

– Тише, дети! – крикнула Карен и сделала телевизор громче.

«...Пришли к соглашению по трем из четырех предложенных президентом основных вопросов и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос – о присутствии их атомных подводных лодок в наших прибреж-

ных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после Второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями от компании „Дженерал моторс“, за которыми последует всесторонний анализ...»

Карен выключила телевизор. Дьюк заметил:

– Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

– Потом. Я занят креп-сюжетт. Барбара, надеюсь, вы будете готовить их каждое утро.

– Отец, прекрати соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыгаться.

– У нас впереди еще целая ночь. – Мистер Фарнхэм закончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку.

В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

– Я открою.

Он направился в прихожую, но скоро вернулся. Карен спросила:

– Кто там, папа? Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну вырази же свою радость по этому поводу.

– Я просто восхищен. Только помни, что с объявления одиннадцати взяток торговаться не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

– Должно быть, это был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты спугнул его.

– Вполне возможно. Какой-то старый, лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

– Да, это ко мне, – подтвердила Карен. – Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

– Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она поймала себя на том, что недообъявляет взятки, и попыталась бороться с собой. Они несколько раз «подсели» в длинном, мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей:

– Ну что, покажем им, как надо играть?

– Я постараюсь.

– Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

– Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

– Хорошо, пусть будет сто.

Барбара подумала о жалких семнадцати долларах в ее су-

мочке и занервничала. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда она поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

– Ну что, губернатор, удваиваем пари? – предложил Дьюк.

– По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: в ее контракте при четырех пиках, благодаря отсутствию масти у противника, она ухитрилась даже уйти со всех своих козырей, прежде чем они кончились. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

– Обе команды получают по очку, – сказал Дьюк, – счет сравнивается. Как твоё давление, папочка? Может, еще раз удвоим пари?

– Что, собираешься уволить свою секретаршу?

– Не надо лишних слов!

– Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король – но не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из этих вызывающих всеобщий вздох облегчения кругов, когда все пасуют.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

– Три без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

– Папочка, да у тебя жар!

– Принимаю.

– Пас!

«Боже, о боже, что мне делать?» – взмолилась про себя Барбара. Объявление ее партнера обозначало двадцать пять очков – и приглашение к шлему. У нее самой было тринадцать. Тридцать восемь на двух руках – большой шлем.

Все по книге! («Барбара, ты же помнишь, „три без козыря“ – это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков, прибавь тринадцать – вот тебе и большой шлем».) Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом идиотском пари?

Если она сейчас спасует, то и игра, и роббер, и четыреста долларов – дело верное. Но большой шлем – если они объявят его – принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

А нельзя ли выйти на шлем потихоньку, по конвенции Блэквуда? Да нет, ведь предварительной торговли не было. Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых преду-

преждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

– Семь без козырей, – твердо объявила она.

Дьюк присвистнул:

– Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Контра².

– Пас.

– Пас, – эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король выглядел жутко голым. Но... либо ее команда наберет тридцать восемь очков, либо не наберет ничего.

– Снова удваиваю.

Дьюк улыбнулся:

– Спасибо, золотко. Ходи, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал. Его сын сказал:

– Эй! Вернись и прими неизбежное!

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и настроил его на нужную волну.

– Красная тревога! – неожиданно объявил он. – Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа! – И выбежал из комнаты.

– Вернись! Тебе не провести нас с помощью такого примитивного трюка!

– Заткнись, Дьюк! – прикрикнула на него Карен.

² *Контра* – карточный термин, обозначающий удвоение ставки. – *Примеч. ред.*

Ожил телевизионный экран: «...приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!..»

Изображение на экране исчезло, и стало слышно радио: «...не учебная тревога! Это не учебная тревога! Аварийным командам явиться в места дислокации. Не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, найдите самое защищенное место в доме. Это не учебная тревога! Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими системами раннего предупреждения, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Аварийным командам явиться...»

– Кажется, это серьезно, – с дрожью в голосе выдавила из себя Карен. – Дюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа... – И она выбежала из комнаты.

– Этого не может быть, – сказал Дюк.

– Дюк, как пройти в укрытие?

– Я покажу вам. – Он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по разным карманам. – Мои и сестренкины – в моих брюках, а ваши с отцом – в пиджаке. Пошли. Чемодан возьмете?

– Нет!

Дьюк провел ее через кухню, за которой находилась лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже спускался по ней, неся на руках жену. Похоже было, что она спит.

– Подожди, отец! – крикнул Дьюк. – Сейчас я возьму ее сам.

– Спускайся первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с ней – не знал, как отпирается замок. Мистер Фарнхэм не выдержал и, отдав жену сыну, сам открыл ее. За дверью оказалась еще одна лестница, ведущая вниз. Они подхватили миссис Фарнхэм и понесли ее, словно безвольную куклу, дальше по лестнице. За второй стальной дверью открылось новое помещение. Барбара прикинула, что пол в нем находится футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагается примерно под задним двором дома. Она шагнула в сторону, пропуская хозяев внутрь.

Мистер Фарнхэм вновь показался в дверях:

– Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной. Джозеф спросонья дико озирался по сторонам. Одет он был явно наспех, в брюки и нижнюю рубашку. Обувь на нем не было.

Он резко остановился:

– Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

– Боюсь, что так. Входи скорее.

Юноша-негр обернулся и закричал:

– Доктор Ливингстон – Я Полагаю! – и кинулся вверх по лестнице.

– О боже! – простонал мистер Фарнхэм и сжал ладонями виски. Затем добавил уже обычным тоном: – Девочки, входите. Карен, запри эту дверь, я же наверху подожду, сколько смогу. – Он взглянул на часы. – Пять минут.

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

– Что случилось с Джозефом? Помешался?

– Да, что-то вроде того. Доктор Ливингстон – Я Полагаю – это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас. – Карен начала запираť внутреннюю дверь, сделанную из листовой стали, на десять засовов дюймовой толщины.

Вдруг она остановилась:

– Черт меня возьми! Я запираю дверь, а отец остался там, снаружи!

– Не запирай вообще.

Карен покачала головой:

– Нет, я все-таки задвину парочку, чтобы он слышал. Этот кот может быть в миле отсюда.

Барбара оглянулась. Комната имела г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа, у стены, рас-

полагались две койки. Грейс Фарнхэм лежала на нижней, она все еще спала. Вдоль противоположной стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход немного шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным, сделан из гофрированной стали. Дальше можно было различить края еще двух коек. Дьюка видно не было, и вдруг он появился из-за поворота и принялся устанавливать ломберный столик. Барбара с удивлением следила за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты, которые захватил перед бегством из гостиной. Как давно это было! Наверное, уже с час назад. А может быть, и пять минут.

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен отперла ее. Ввалился Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа прыгнул рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Карен с отцом заперли дверь. Фарнхэм взглянул на жену и сказал:

– Джозеф, поможешь мне покрутить штурвал?

– Есть, сэр!

К ним подошел Дьюк:

– Ну как, посудина заклепана, шкипер?

– Да, осталась только раздвижная дверь. Она запирается на штурвал.

– Ну что ж, как запрете – прошу к столу. – Дьюк указал

на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении:

– Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь *доигрывать партию*, когда с минуты на минуту мы ждем нападения?

– Мою серьезность изрядно подкрепляет надежда выиграть четыре сотни долларов. И еще одну ставлю на то, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах появятся сообщения, что радарные станции были сбиты с толку северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

– Ммм... мой партнер сыграет за меня. Я занят.

– Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

– Конечно нет.

Барбара обнаружила, что уже сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты своего партнера и взглянула на них:

– Твое слово, Карен.

– О черт! – воскликнула в сердцах Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк взял карты «болвана» и разложил их по мастям.

– Какую карту со стола?

– Все равно, – отозвалась Барбара. – Я играю в открытую за двоих.

– Может, лучше не надо?

– Да тут без вариантов. – Она показала карты.

Дьюк взглянул на них.

– Все ясно... – сказал он. – Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть. – Он что-то прикинул в уме. – Здесь примерно двадцать четыре сотни очков. Отец!

– Да, сын?

– Я выписываю чек на четыреста девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

– Нет такой необходимости...

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать, но не смогла устоять на ногах. Вокруг грохотали гигантские поезда подземки, и пол вздымался, как палуба корабля в море.

– Отец!

– Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

– Не знаю. Но чек мне придется выписать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземный гул не смолкал. Сквозь рев и грохот Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся и сказал:

– Забудь об этом. Доллар только что обесценился.

– Хьюберт! Хьюберт! Где ты? – слышался пронзительный голос миссис Фарнхэм. – Хьюберт, останови это!

– Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика и двинулся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и увидела, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Достигнув койки, он принялся успо-

каивать жену, и скоро ее крики стихли.

– Карен!

– Да, папа?

– Ты в порядке?

– Да, только синяки. Мой стул опрокинулся.

– Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение в этом отсеке. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и... Ох-х! Джозеф!

– Да, сэр?

– Ты цел?

– Все в порядке, босс.

– Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он прыгнул на меня.

– Просто он хочет выразить свое расположение к вам.

– Да-да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, когда я делаю укол. Позови его.

– Сию секунду. Док! Ко мне! Док! Док! На рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами. Миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно уснула. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и мистер Фарнхэм принялся изучать последствия нападения.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на ограждения, несколько банок с консервами все же свалились на пол. Разбилась одна бутылка рома, но, кроме спиртного, практи-

чески ничего из припасов не хранилось в стеклянной таре. Спиртное, оставленное в ящиках, тоже уцелело. Самой неприятной потерей был радиоприемник на батарейках, который сорвался со стены и разбился вдребезги.

Мистер Фарнхэм встал на четвереньки и принялся разглядывать остатки приемника. Подошел его сын и, взглянув на разбитое устройство, произнес:

– Не трать время, отец. Смети весь этот хлам в помойное ведро.

– Кое-что можно восстановить.

– А ты что-нибудь понимаешь в радиотехнике?..

– Нет, – вздохнул отец. – Но у меня есть книги.

– Книги не починят радиоприемник. Тебе следовало бы иметь запасной.

– У меня есть.

– Тогда, бога ради, достань его! Я хочу знать, что случилось.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка:

– Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет – он слишком слабый. А запасной приемник упакован в поролон и, скорее всего, не пострадал.

– Так доставай же его!

– Потом.

– «Потом, потом»... Дьявольщина! Где он?

Мистер Фарнхэм вздохнул тяжело:

– Я устал от твоей болтовни.

– Что? Ну прости. Скажи мне только, где запасное радио.

– Нет. Мы можем лишиться и его. Я хочу дождаться конца нападения.

Сын пожал плечами:

– Ну что ж, упрямься на здоровье. Но ведь наверняка все с удовольствием послушали бы последние новости. Твое упрямство просто глупо, если хочешь знать мое мнение.

– Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал, что устал от твоей болтовни. Если тебе так хочется узнать, что происходит снаружи, выйди и посмотри. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, внешнюю ты сам вполне можешь открыть.

– Как это? Не говори глупостей.

– Только не забудь закрыть ее за собой. Лучше, если она будет закрыта, – это ослабит излучение. И ударную волну.

– Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиации? Нам бы следовало...

– Заткнись!

– Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

– Дьюк, я по-хорошему прошу тебя замолчать и выслушать меня. Согласен?

– Ну что же... хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии других людей.

– В таком случае держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похра-

пывала миссис Фарнхэм. Остальные удалились во второй отсек, чтобы не быть свидетелями ссоры.

– Так ты готов слушать меня?

– Готов, сэр, – холодно ответил Дьюк.

– Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи, или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен заткнуться, если я прошу. Как бы поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное подчинение, быстрое и охотное. Или ты предпочтешь уйти?

– А не слишком ли ты перегибаешь палку?

– Вот именно это я и делаю. Наше убежище – спасательная шлюпка, а я ее командир. Ради безопасности остальных я должен поддерживать дисциплину. Даже если для этого придется кого-нибудь выбросить за борт.

– Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, очень жаль, что ты служил на флоте. После него у тебя в голове завелись романтические идеи.

– А я жалею, что *ты* никогда не служил. Тебе не хватает трезвого взгляда на жизнь. Ну так что? Ты будешь выполнять приказы? Или уйдешь?

– Ты же прекрасно знаешь, что я никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

– Значит, ты будешь меня слушаться?

– Я... э-э-э... буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура... Отец, сегодня вечером ты сам ясно дал понять, что ты свободный человек. Но ведь и я тоже. Поэтому я согласен

помогать тебе. Но я не собираюсь исполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Но если я сочту необходимым, то наверняка выскажу свое мнение вслух и открыто. Свобода слова. Ведь это справедливо, не так ли?

Отец вздохнул:

– Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

– Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

– Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

– Отец... Мне бы не хотелось говорить тебе этого... но, мне кажется, у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя и намного моложе.

– Это мне известно. Но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

– Тогда давай прекратим этот глупый спор.

– Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Не прошло еще и двух часов, как ты смеялся над ним, называя его «нездоровой» причудой. А теперь, когда оказалось, что ты был не прав, ты с удовольствием пользуешься им. Верно?

– В принципе, да. Ты прав.

– И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать. Заявляешь мне, что *следовало* запастись вторым прие-мником. И все это тогда, когда ты сам не запасся *ничем*! Будь же мужчиной, раз так получилось, и делай то, что тебе говорят. Ведь ты спасся только благодаря мне!

– Черт побери! Я тебе уже сказал, что согласен сотрудни-

чать!

– А сам и не думаешь этого делать. Вместо этого ты отпускаешь глупые замечания, мешаешь мне, упрямисься, напрасно задерживаешь меня, когда у меня куча срочных дел. Дьюк, мне не нужно сотрудничество на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется полное подчинение.

Дьюк покачал головой:

– Постарайся, наконец, понять, что я уже не ребенок, отец. Мое сотрудничество – да. Но большего я не обещаю.

Мистер Фарнхэм печально покачал головой:

– Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но дело в том, что я много раз обдумывал все, что может случиться непредвиденного, а ты – нет. Сын, я предусмотрел, что у твоей матери может начаться истерика, и у меня все было наготове для такого случая. Как ты думаешь, не мог ли я предусмотреть и данную ситуацию?

– Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

– Я сказал «ситуацию». На твоём месте мог оказаться любой другой. Сегодня у меня могли быть гости или какие-нибудь случайные люди вроде того старика, что позвонил к нам в дверь, – я бы взял в убежище всех. Я предусмотрел дополнительные места. Неужели ты думаешь, что, планируя все это, я не предвидел, что кто-нибудь может выйти из повиновения, и не продумал, как поставить его на место?

– Ну и как же?

– Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней?

– Это что, загадка?

– Да нет. Просто только у командира есть оружие.

– О, я и не сомневался, что здесь у тебя есть и оружие.

Но в руках ты ничего не держишь и... – Дьюк усмехнулся. – Отец, я что-то с трудом представляю себе, как ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Мистер Фарнхэм пристально посмотрел на сына, затем опустил глаза.

– Нет. В чужого человека – возможно. Но ты мой сын. –

Он вздохнул. – Ну что ж, надеюсь на твое сотрудничество.

– Обещаю тебе его.

– Спасибо. А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать. –

Мистер Фарнхэм оглянулся назад и позвал: – Джозеф!

– Да, сэр.

– Сложилась ситуация номер семь.

– Ситуация семь, сэр?

– Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.

– Понятно, сэр!

– Спасибо. – Он повернулся к сыну. – Дьюк, если ты действительно хочешь сотрудничать, то можешь собрать остатки этого радио. Оно точно такое же, как и запасное. Так что в случае необходимости какие-то детали нам могут пригодиться. Согласен?

– Конечно, сэр. Я же *сказал*, что готов сотрудничать. – Дьюк опустился на колени и занялся тем, что до этого помещал сделать отцу.

– Спасибо. – Мистер Фарнхэм повернулся и пошел по направлению ко второму отсеку.

– Мистер Дьюк! Руки вверх!

Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади картонного столика стоит Джозеф и целится в него из автомата Томпсона. Он вскочил на ноги:

– Какого черта!

– Стойте на месте! – предупредил Джозеф. – При малейшем движении – стреляю!

– Правильно, – согласился мистер Фарнхэм. – Его ведь не удерживают родственные узы, как меня. Джозеф, если только он шевельнется, пристрели его.

– Отец! Что происходит?

Мистер Фарнхэм повернулся к дочери:

– Ступай обратно!

– Но, папочка...

– Тихо! Обе ступайте обратно и сидите там на нижней койке. Быстро!

Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает автоматический пистолет, и быстро последовала за Карен.

– А теперь обнимите друг друга, – приказал Фарнхэм, – и не двигайтесь.

Он вернулся в первый отсек.

– Дьюк!

– Да.

– Опустите руки и расстегните брюки. Пусть они спадут, но ног из них не вынимай. После этого медленно повернись лицом к двери и отпирай ее.

– Отец...

– Заткнись. Джозеф, если он сделает что-нибудь не так, как я велел, стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.

Ошеломленный, бледный как полотно, Дьюк сделал то, что ему велели: спустил брюки так, что оказался стреноженным ими, повернулся и принялся выдвигать запоры на двери. Когда он справился с половиной, отец остановил его:

– Дьюк, хватит. В эти секунды решается, уходишь ты или остаешься. Условия тебе известны.

Почти без колебаний Дьюк ответил:

– Я принимаю твои условия.

– Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.

– Джозефу?!

– Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все время бодрствовать. Я бы с радостью назначил помощником тебя, но ты ведь не хотел иметь с этим ничего общего. Поэтому мне пришлось поднатаскать Джозефа. Он знает, где что находится, как что

действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель. Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему так же, как мне? Без пререканий?

– Обещаю, – медленно проговорил Дьюк.

– Хорошо. Но обещание, данное под давлением, ни к чему не обязывает. Существует другая форма подчинения, которая применяется в случае насилия и тем не менее имеет силу. Ты, как юрист, должен знать, о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты дал клятву заключенного. Клянешься ли ты подчиняться обстоятельствам до тех пор, пока мы не сможем покинуть убежище? Это честное соглашение: твоя клятва в обмен на то, что мы оставляем тебя здесь.

– Клянусь.

– Благодарю. Тогда запирай дверь и застегивай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

– Хорошо, босс.

Дьюк запер дверь, привел в порядок брюки. Когда он повернулся, отец протянул ему пистолет.

– Зачем это? – спросил Дьюк.

– Соберись с мыслями. Если твоя клятва ничего не стоит, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк взял пистолет, вытащил из него обойму, оттянул затвор и поймал выскочивший из патронника патрон. Взглянув на него, Дьюк сунул патрон в обойму, вставил ее – и вернул перезаряженный пистолет отцу.

– Моя клятва остается в силе. Держи.

– Пусть останется у тебя. Ты всегда был упрямым мальчишкой, но никогда не был лжецом.

– Ладно... босс. – Сын положил пистолет в карман. – А здесь довольно жарко.

– Будет еще жарче.

– Да? И какую же дозу мы, по-твоему, получаем?

– Я имею в виду не радиацию. Огненный шторм. – Мистер Фарнхэм подошел к месту стыка двух отсеков, взглянул на висевший там термометр, затем на часы. – Уже восемьдесят четыре градуса³, а с момента нападения прошло только двадцать три минуты. Значит, будет еще хуже.

– Насколько хуже?

– Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия, на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе, насколько далеко распространилось пламя. Я даже не знаю, горит ли над нами дом или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище – около пятидесяти градусов. Так что все это выглядит паршиво. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я и поступлю, пожалуй.

Он прошел в соседний отсек. Девушки все так же сидели на койке, крепко обнявшись. Джозеф устроился на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него лежал кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но ни-

³ 84° по Фаренгейту приблизительно равны 29° по Цельсию. – *Примеч. С. В. Голд.*

чего не сказала.

– Ну, детки, можете вставать.

– Спасибо, – сказала Карен. – Для объятий здесь довольно жарко. – Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

– Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

– Какая-то ссора, – осторожно сказала Карен.

– Верно. И это последняя ссора. Я – начальник, а Джозеф – мой заместитель. Понятно?

– Да, папочка.

– Миссис Уэллс?

– Я? О, конечно! Ведь это же ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь. Благодарна за то, что оказалась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбара.

– Хм... В таком случае называйте меня Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк – и все остальные тоже – отныне пусть называют друг друга просто по имени. Не называйте меня больше «отец», зовите меня Хью. А ты, Джо, оставь этих мистеров и мисс. Понял?

– Ладно, босс. Как вам будет угодно.

– Отныне ты должен говорить: «Ладно, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов. – Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

– Э... босс, мне вполне хорошо и так, – сказал Джозеф.

– Вообще-то я не спрашиваю, я тебе приказываю.

– Э-э-э... *босс, на мне нет трусов.*

– Это правда, – подтвердила Карен. – Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

– Вот как? – Хью взглянул на своего бывшего работника и хмыкнул: – Джо, да ты, кажется, еще не созрел для такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить своим заместителем Карен.

– Годится.

– Ладно, возьми на полке запасные трусы и переоденься в туалете. Когда закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен, то же самое сделай с Барбарой. А потом мы соберемся на совет.

Собрались они минут через пять. Хью Фарнхэм сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

– Кто хочет сыграть в бридж?

– Папочка, ты шутишь?

– Меня зовут Хью. Я не шучу: партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

– Э... прошу прощения.

– Думаю, что завтра ты уже сможешь курить. Я впустил много чистого кислорода, поэтому наружный воздух не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

В промежуточном помещении между отсеками стояли баллоны со сжатыми газами, бак с водой, химический туалет. Там же находились различные запасы и крохотный сто-

ячий душ. Здесь же были входное и выходное вентиляционные отверстия, наглухо сейчас закрытые, и ручная воздухоочистительная установка с уловителями двуокиси углерода и водяных паров.

– Значит, в них кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

– Он занял бы слишком много места. Так что курить слишком рискованно. Я открыл для проверки один из вентиляционных входов – воздух очень горячий, как в смысле температуры, так и в смысле радиации. Счетчик Гейгера трещит как пулемет. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется пользоваться сжатым кислородом. Запас его рассчитан на тридцать шесть часов для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту, и вы тоже. До ста двадцати градусов⁴ мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, придется использовать кислород для охлаждения убежища. В таком случае нам останется выбирать между жарой и удушьем. Или чем похуже.

– Папа... то есть Хью, я хотела сказать. Ты имеешь в виду, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

– Я этого не допущу, Карен.

– Если дойдет до этого... я предпочитаю пулю.

– Не потребуется. У меня в убежище запас снотворного, достаточный, чтобы безболезненно умертвить человек два-

⁴ 120° по Фаренгейту примерно равны 49° по Цельсию. – *Примеч. С. В. Голд.*

дцать. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы переживем катастрофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

– А как насчет радиации? – спросил Дьюк.

– Ты умеешь читать показания счетчика?

– Нет.

– Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь насчет сна. В отсеке, где лежит Грейс, – женская половина, другой отсек – для мужчин. Коек только четыре, но этого вполне достаточно: один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится – я принял декседрин.

– Я буду дежурить.

– И я с тобой.

– Мне совсем не хочется спать.

– Тише, тише! – сказал Хью. – Джо, тебе со мной дежурить нельзя, потому что тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

Дьюк сказал:

– Тогда, видно, я буду удостоен этой чести.

– Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две – для женщин. Что остается? Нужно сложить этот стол, и тогда еще одна женщина сможет спать на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось здесь на пол и пару – в кладовой, для меня.

– Уже несу, Хью.

Обе девушки настаивали на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

– Довольно.

– Но...

– Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, давай тебе снотворное?

– Никогда не имел такой привычки.

– Не строй из себя железного человека.

– Ну... пусть это будет проверка на ржавчину.

– Хорошо. Джо? Секонал?

– Дело в том, что я так рад тому, что завтра не нужно писать эту контрольную...

– Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад. Хорошо.

– Я еще хотел сказать, что сна у меня ни в одном глазу. Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

– Уверен. Карен, достань Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

– Да, и себе я тоже, пожалуй, возьму. Я не железный человек, и милтаун очень кстати.

– Прекрасно. Барбара, вы пока не пейте снотворное. Мо-

жет быть, мне еще придется разбудить вас, чтобы вы не давали мне заснуть. Впрочем, милтаун можете принять. Это обычное успокоительное.

– Пожалуй, ни к чему.

– Как хотите. А теперь – всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Через несколько минут все улеглись. Барбара легла на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку в кладовой для дежурного. Хью расположился на одеялах и принял-ся сам с собой играть в солитер⁵, причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень силен, и он смог удержаться на ногах. Хью поспешил в женский отсек.

– Дочка! Где ты? – Он пошарил по стене и нащупал выключатель.

– Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг это! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Он поддержал ее, и она, спустившись, прижалась к нему и зарыдала.

– Ну-ну, – приговаривал он, ласково похлопывая ее по

⁵ Вообще-то, *солитер* – это пасьянс, но его можно превратить в игру. – *Примеч. С. В. Голд.*

спине. — Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время боюсь без памяти. Просто я стараюсь не показывать этого.

— Карен... я тоже боюсь. Так давай не будем поддаваться страху, а? Выпей-ка еще таблетку. Можешь запить чем-нибудь покрепче.

— Хорошо. И то, и другое. Но мне не уснуть на этой койке. Там слишком жарко и страшно, когда трясет.

— Ладно. Мы можем постелить тебе на полу, там попрохладнее. А где твоё бельё, девочка? Лучше надеть его.

— Оно там, наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован, когда проснется.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же девался лифчик?

— Может быть, где-то сбоку?

Хью снял матрас с койки.

— Нет, и здесь ничего.

— Ну и черт с ним! Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен.

Дьюк и Барбара сидели на полу на одеяле. Оба выглядели очень неважно. Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся:

– Хочешь посмотреть на «спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя лежащим на спине, громко храпящим и таким же нетранспортабельным, как Грейс Фарнхэм. Доктор Ливингстон – Я Полагаю свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

– Ну, этот взрыв был подальше. Я очень рад, что у Джо есть возможность выспаться.

– А по мне, так взрыв был чертовски близко! И когда только у них кончатся эти штуки?

– Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я тоже боюсь» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

– Я почетный член!

– И я тоже, – поддержала Барбара.

– Еще бы!

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, а также секонал и милтаун.

– Кому-то нужна вода?

– Я не хочу, чтобы какая-то там вода мешалась со столь благородным напитком, – сказал Дьюк.

– А я, пожалуй, разбавлю, – сказала Барбара. – Как все-таки жарко!

– Отец, какая у нас сейчас температура?

– Дьюк, в кладовой есть термометр. Будь добр, сходи и

посмотри.

– Конечно. А можно мне потом тоже принять снотворное?

– Ради бога. – Хью дал Карен одну капсулу секонала и таблетку милтауна, посоветовав Барбаре тоже принять успокоительное. Затем он и сам принял милтаун, решив, что декседрин слишком возбудил его. Вернулся Дьюк.

– Сто четыре градуса, – объявил он. – Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

– Скоро нам придется отвернуть его еще больше. Вот твои таблетки, Дьюк, – двойная доза секонала и милтауна.

– Спасибо. – Дьюк проглотил лекарства и запил их виски. – Пожалуй, я тоже лягу на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

– Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока она не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на свой пост. Температура опять поднялась на два градуса. Он еще больше отвернул вентиль на баллоне с кислородом, но, уловив прощальное шипение остатков газа, покачал головой, взял гаечный ключ и перешел к другому баллону. Перед тем как отворачивать вентиль, он присоединил к нему шланг, который тянулся в жилой отсек. Отвернув вентиль, он уселся на одеяло и начал притворяться, что раскладывает пасьянс.

Через несколько минут на пороге появилась Барбара.

– Что-то мне не спится, – сказала она. – Можно составить вам компанию?

– Вы плакали?

– А что, заметно? Прошу прощения.

– Садитесь. Хотите сыграть?

– Только если вы хотите. Мне просто нужна какая-то компания.

– А мы с вами поговорим. Выпьете еще?

– С удовольствием! А может быть, не стоит тратить виски понапрасну?

– У нас его очень много. Да к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Помните одно: мы оба должны следить за тем, чтобы другой не уснул.

– Хорошо. Буду стараться не дать вам заснуть.

Они выпили, разбавив скотч водой из бака. Было так жарко, что им показалось, что виски выходит с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил количество кислорода и тут заметил, что потолок слишком горяч.

– Барбара, должно быть, над нами горит дом. Потому что над потолком слой бетона толщиной в тридцать дюймов да еще два фута почвы.

– Как вы думаете, какая температура там, снаружи?

– Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра взрыва. – Он еще раз пощупал потолок. – Я сделал эту штуку более чем прочной: потолок, стены и пол

представляют собой сплошную бетонную коробку, усиленную стальной арматурой. И правильно. У нас еще могут быть затруднения с дверями. Этот жар... да и от взрывной волны все могло перекосить.

– Так мы в ловушке? – тихо спросила она.

– Нет-нет. Под этими баллонами есть люк, ведущий в туннель. Тридцатидюймовая ливневая труба, укрепленная бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся. У нас есть ломы и домкрат. Даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом – это меня не тревожит. Меня тревожит другое: сколько мы еще продержимся здесь, внутри... И будет ли безопасно выйти наружу?

– А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

– Барбара, какая вам разница? Вам что-нибудь известно о радиации?

– Достаточно. Я специализируюсь на ботанике. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении, – из-за этого-то я и плакала.

– Ммм... Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку. – Он указал большим пальцем через плечо. – Счетчик вон там, за баллонами. Сходите посмотрите.

Барбара отправилась к счетчику и некоторое время оставалась возле него. Вернувшись, она молча села.

– Ну как? – спросил он.

– Можно я выпью еще немного?

– Конечно! – Он налил ей виски и разбавил его.

Она глотнула и тихо сказала:

– Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты. – Она нахмурилась. – Конечно, эта предельная цифра из перестраховки занижена. Если я правильно помню, тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

– Все так. Но излучение скоро начнет спадать. Поэтому меня больше беспокоит жара. – Он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль. – Сейчас работает батарейный поглотитель. Не думаю, что нам стоит в такой жаре крутить ручной воздухоочиститель. Одним словом, о це-о-два начнем беспокоиться только тогда, когда станем задыхаться.

– Резонно.

– Давайте не будем больше говорить о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели поговорить? Может быть, расскажете немного о себе?

– Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол женский, белая, двадцати пяти лет от роду. Учусь, точнее, вернулась в колледж после неудачного замужества. Брат – военный летчик, так что, может быть, он уцелел. А родители мои живут в Акапулько, – возможно, и они живы. Домашних животных, слава богу, нет, и я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь, правда. Только как-то тоскливо... – Она тяжело вздохнула. –

Все-таки это был довольно неплохой мир, несмотря на мой рухнувший брак.

– Не плачьте.

– Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

– О да, конечно.

– В самом деле, просто невыносимо жарко. – Она вдруг завела руку за спину. – Вы не против, если я сниму эту штуку, как Карен? Он буквально душит меня.

– Пожалуйста, дитя мое, если вам так будет легче, снимите. Я видел Карен начиная с момента ее рождения, а Грейс еще дольше. Так что вид обнаженного тела не шокирует меня. – Он встал, подошел к счетчику радиации. Проверив его показания, он взглянул на термометр и увеличил приток кислорода.

Вернувшись на свое место, Фарнхэм заметил:

– В принципе, я мог бы запасти вместо кислорода сжатый воздух. Тогда мы могли бы курить. Но я не думал, что кислород придется использовать для охлаждения. – Он, казалось, совсем не обратил внимания на то, что она последовала его приглашению чувствовать себя комфортно. – Наоборот, я беспокоился о том, как обогреть убежище. Хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух. Без какой-либо опасности для обитателей убежища, что вполне возможно, хотя и трудно.

– Я считаю, что вы и так все замечательно оборудовали. Я никогда не слышала об убежище с запасом воздуха. Ваше,

вероятно, единственное. Вы настоящий ученый. Верно?

– Я-то? Боже, конечно нет! Единственное, что я закончил, – это школу. А того немногого, что я знаю, я нахватался то здесь, то там. Кое-что – во время службы на флоте, плюс работа с металлом и заочные курсы. Потом я некоторое время работал в муниципальной службе и там узнал кое-что о строительстве и трубах. После этого я стал подрядчиком. – Он улыбнулся. – Нет, Барбара, я просто набрался всего понемногу. Ненасытное любопытство слоненка. Вроде нашего Доктора Ливингстона – Я Полагаю.

– А почему у вашего кота такая странная кличка?

– Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он великий исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

– Даже не знаю. Но Доктор Ливингстон – просто прелесть.

– Это верно. Мне вообще нравятся кошки. Ими нельзя владеть. Они – свободные граждане. Собаки, например, дружелюбны, веселы и верны. Но они – рабы. Это не их вина, их выводили по этому признаку. Рабство всегда вызывает во мне тошнотворное чувство, даже если это раболепие животных. – Он нахмурился. – Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это даже хорошо для нас. Я имею в виду не нас шестерых. Я говорю о нашей стране.

– То есть как это? – искренне удивилась она.

– Ну... конечно, трудно судить о будущем, когда сидишь,

скорчившись в убежище, и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Но... Барбара, на протяжении многих лет я обеспокоен судьбой нашей родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов – а ведь я верю в свободу. Может быть, война все изменит... Возможно, это будет первая в истории человечества война, которая более губительна для глупцов, чем для умных и талантливых.

– Что вы имеете в виду, Хью?

– Видите ли, война всегда забирала лучших из молодых людей. На сей раз те ребята, которые служат в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданское население. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует подготовиться к войне. Конечно же, правил без исключения не бывает, но в основном все именно так и будет. Людская порода улучшится. Когда все закончится, условия жизни будут суровы, но от этого людское племя только выиграет. Ведь уже на протяжении многих лет самый надежный способ выжить – быть совершенно никчемным и оставить после себя выводок столь же никчемных детей. Теперь все будет иначе.

Барбара задумчиво кивнула:

– Обычная генетика. Но, в принципе, это жестоко.

– Да, это жестоко. Но победить законы природы не удалось еще ни одному правительству, хотя многие из них пытались это сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она поежилась.

– Наверное, вы правы. Нет, вы *конечно же* правы. И все же я предпочла бы, чтобы осталось хоть какое-то государство, все равно, плохое или хорошее. А уничтожение худшей трети – это, конечно, с генетической точки зрения оправдано, но, вообще-то, в смерти такого количества людей ничего хорошего нет.

– Ммм... да. Мне самому тошно об этом думать. Барбара, я же запасся кислородом не только для охлаждения и регенерации воздуха. Я думал кое о чем похуже.

– Похуже? И о чем именно?

– Все разговоры об ужасах третьей мировой войны крутились вокруг атомного оружия – радиоактивные осадки, стомегатонные бомбы, нейтронные бомбы. И болтовня насчет разоружения, и демонстрации сторонников мира – все это было связано с Бомбой, посвящено Бомбе, Бомбе, Бомбе – как будто убивает только атомное оружие! Эта война может оказаться не только атомной, но и атомно-химически-бактериологической. – Он указал на баллоны. – Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Он предохраняет нас от поражения газами, аэрозолями, вирусами. И еще бог знает чем. Коммунисты не станут уничтожать нашу страну полностью, если представится возможность лишить нас жизни без разрушения нашего достояния. Я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что атомные удары были нанесены только по военным объектам вроде той противоракетной базы, что расположена неподалеку отсюда, а города вроде Нью-Йорка

или Детройта получили просто по порции нервно-паралитического газа. Или по облаку бактерий чумы, которая за двадцать четыре часа дает смертельный исход в восьмидесяти случаях из ста. Подобных вариантов бесчисленное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, которую не укажет ни один датчик и не задержит ни один фильтр. – Он печально улыбнулся. – Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

– Мне грустно и не хочется оставаться одной. Можно я еще посижу с вами?

– Конечно. Когда вы рядом, я чувствую себя значительно лучше, хотя приходится говорить о мрачных вещах.

– Ваши слова не такие мрачные, как мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит снаружи? Жаль, что у вас нет перископа.

– Он есть.

– Как? Где?!

– Вернее, был. Простите. Видите эту трубу над нами? Я пытался поднять его, но его, похоже, заклинило. Однако... Барби, я накинулся на Дюка за то, что он хотел использовать запасное радио до конца нападения. А может, оно уже кончилось? Как вы думаете?

– Я? Откуда же я знаю?

– Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в на-

ших местах больше нет ничего достойного внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает: до нас от Камчатки примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок пять после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко – и это вам известно, потому что прошло уже больше часа, а третьей ракеты нет. Сие должно означать, что с нами покончено. Логично?

– На мой взгляд, да.

– По правде, дорогая моя, это довольно шаткая логика. Не хватает данных. Может быть, обе ракеты не попали в базу, и теперь база сшибает на лету все, что они запускают. Может быть, у русских кончились ракеты. Может быть, третью бомбу сбросят с самолета. Мы не знаем. Но мне не терпится это выяснить. И если ты настаиваешь...

– Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

– Что ж, попробуем. Если новости хорошие, мы разбудим остальных. – Хью порылся в углу и вытащил оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник. – Ни одной царапинки. Давайте попытаемся сначала без антенны.

Ничего, кроме статистических разрядов, – через некоторое время констатировал он. – Это неудивительно. Хотя первый его собрат принимал местные станции и без наружной антенны. Подождите немного.

Вскоре он вернулся.

– Ничего. Видимо, можно считать, что наружной антенны больше нет. Ну что ж, попробуем аварийную.

Хью взял гаечный ключ, отвернул заглушку с трубы диаметром в дюйм, которая торчала в потолке, и поднес к открытому отверстию счетчик.

– Радиация немного сильнее. – Он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора. Одним из них Хью поводил по трубе вверх-вниз. – На всю длину не входит. Верхушка этой трубы находилась почти у самой поверхности земли. Вот беда. – Он привинтил к первому пруту второй. – Теперь предстоит самое неприятное. Отойдите подальше, сверху может посыпаться земля – горячая в обоих смыслах.

– Но ведь она попадет на вас.

– Разве что на руки. Я потом их очищу. А вы после этого проверите меня счетчиком Гейгера. – Он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вверх еще дюймов на восемнадцать. – Что-то твердое, придется пробивать.

После долгих усилий Хью оба прута целиком скрылись в трубе.

– У меня было такое ощущение, – сказал он, очищая руки, – словно последний фут прута уже выходил на открытый воздух. По идее, антенна должна торчать из земли футов на пять. Я полагаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что ж, обследуйте меня счетчиком?

– Вы говорите это так спокойно, будто спрашиваете:

«Осталось у нас молоко с прошлого вечера?»

Он пожал плечами:

– Барби, дитя мое, когда я пошел в армию, у меня не было за душой ни гроша. Несколько раз за свою жизнь я разочарялся. Так что я не собираюсь убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, есть что-нибудь?

– На вас ничего нет.

– Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клинексом и выбросил его в специальное ведро. После этого Барбара провела раструбом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

– Очистка обошлась нам примерно в галлон воды. Лучше бы теперь этому радио работать нормально. – Он подсоединил антенну к приемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы – статические разряды – на всех диапазонах, но никаких сигналов.

Хью вздохнул:

– Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

– А разве не Денвер?

– Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных

баллистических ракет. Оставлю, пожалуй, приемник включенным: может быть, что-нибудь поймает.

– Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

– Не так уж быстро. Давайте сядем и станем рассказывать друг другу лимерики. – Он взглянул на счетчик радиации, мягко присвистнул, затем проверил температуру. – Облегчу-ка я еще немного участь наших спящих красавиц, страдающих от жары. Кстати, а как вы переносите жару, Барбара?

– Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Истекаю потом, и только.

– Как и я.

– Во всяком случае, не надо тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

– Не так уж много.

– Сколько?

– Меньше половины. Не мучайтесь из-за этого. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов (теперь это все равно что пятьдесят центов), что вам не прочесть ни одного лимерика, которого я не знал бы.

– Приличного или нет?

– А разве бывают приличные лимерики?

– Хорошо... «Веселый парнишка по имени Скотт...»

Пари на лимерики Барбара позорно проиграла. Хью обвинил ее в том, что она слишком чиста и невинна, на что Барбара ответила:

– Это не совсем так, Хью. Просто голова не работает.

– И я сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

– Пожалуй. Только обязательно с водой. Я так потею, что, кажется, совершенно иссохла. Хью...

– Да, Барби?

– Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

– Да.

– Я так и думала. Наверное, еще до рассвета?

– Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

– Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком жарко и так?

– Когда мне покажется слишком жарко для того, чтобы обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

– Спасибо.

– Так удобно?

– Очень.

– Да ты совсем малышка.

– Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня пять футов и восемь дюймов. Так что не такая уж я малышка.

– И все равно ты малышка. Оставь виски. Подними голову.

– Ммм... Еще... Ну пожалуйста, ну еще!

– Жадная маленькая девчонка.

– Очень жадная, да. Спасибо, Хью.

– Какие хорошенькие...

– Они – лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного собой не представляет. Но у Карен они красивее.

– Это кому как.

– Ну что ж, не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой Хью...

– Так хорошо?

– Очень! Удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста!

– Барбара, Барбара!

– Хью, милый! Я люблю тебя. О!..

– Я люблю тебя, Барбара...

– Да, да! О, прошу тебя! Сейчас!..

– Конечно сейчас!..

– Тебе хорошо, Барби?

– Как никогда! Никогда в жизни я не была так счастлива.

– Хорошо, если бы это было правдой.

– Это правда. Хью, дорогой, сейчас я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я перестала чувствовать жару.

– С меня, наверное, на тебя капает пот?

– Какая разница! Две капельки сейчас висят у тебя на подбородке, а третья – на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совершенно слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.

– Зато я не хочу, чтобы мы умирали.

– Прости.

– Нет-нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. А теперь мне вдруг опять захотелось жить.

– О, наверное, я думаю так же.

– Барбара! Мы постараемся не погибать, если это только в наших силах. Давай сядем?

– Как хочешь... Только если ты снова обнимешь меня.

– Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.

– Я тоже. У тебя так сильно бьется сердце!

– Ничего удивительного. Барби, девочка моя, а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом?

– Да, папочка.

– Ах ты, маленькая плутовка! Только попробуй еще сказать так, и я выпью все оставшееся виски.

– Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники... потому что умрем в один и тот же час.

– Перестань говорить о смерти. Я найду способ пережить ее.

– Если только он есть, ты обязательно найдешь его. Я не испытываю страха перед смертью. Я уже смотрела ей в лицо и больше не боюсь. Не боюсь умереть и не боюсь жить. Но...

Хью, я хочу просить тебя об одной милости.

– Какой?

– Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным... не давай ее мне, пожалуйста.

– Э-э-э... но это может быть необходимо.

– Я не то имела в виду. Я приму таблетки, только не вместе с остальными. Я хочу принять яд после тебя.

– Ммм... Барби, сам я не собираюсь их принимать.

– Тогда, пожалуйста, не заставляй и меня.

– Хорошо-хорошо. А теперь помолчим. Поцелуй меня.

– Да, милый.

– Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

– Зато ступни...

– Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты бы выглядела какой-то незаконченной.

– Фу, как не стыдно! Хью, а знаешь, чего мне хочется?

– Еще раз?

– Нет-нет. А впрочем, да. Только не сию секунду.

– Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

– Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не захочется заснуть. Никогда. Так жаль было бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам остались. Нет, у меня другое желание: я с удовольствием сыграла бы в бридж – в качестве твоего партнера.

– Ну... в принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя – три грана секонала не располагает к карточной игре. Но мы могли бы сыграть и втроем.

– Нет-нет. Мне не нужно сейчас ничьего общества, кроме твоего. Мне так нравилось играть с тобой на пару.

– Ты замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете. Когда ты говоришь: «Играю по книге», ты так и делаешь.

– Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом повыше. Я бы хотела побыть подле тебя много-много лет, чтобы научиться играть так же, как ты. И еще я бы хотела, чтобы тот налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть большой шлем.

– В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила, я понял, что можно сразу класть карты. – Он сжал ее плечи. – Три больших шлема за один вечер!

– Три?

– А что, по-твоему, водородная бомба – не второй большой шлем?

– О! А вторая бомба – третий?

– Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснять что-либо.

– Ах вот оно что! В таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь не смогу вынудить тебя сходить первым. Мой лифчик куда-то делся, и...

– Так, значит, ты нарочно сделала это?

– Конечно. Теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

– Э, только не так быстро. Три больших шлема – это максимум, на что я способен. Разве что один маленький шлем... да и то, если я приму еще одну таблетку декседрина. Но четыре больших шлема – это выше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте.

– Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый большой.

И в этот миг их накрыло самым большим из шлемов.

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула. Доктор Ливингстон – Я Полагаю зашипел, Барбару швырнуло на баллон с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию.

Оправившись немного, она пошарила возле себя руками, нащупала ногу. Затем нащупала Хью, являющегося продолжением этой ноги. Он не шевелился. Барбара попыталась прослушать его сердце, но не смогла. Она закричала:

– Эй! Эй! Кто-нибудь!

Отозвался Дьюк:

– Барбара?

– Да, да!

– Вы в порядке?

– Я-то в порядке, да с Хью плохо! Боюсь, он мертв.

– Спокойно. Сейчас я найду свои брюки и попытаюсь зажечь спичку – если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги. Я стою вверх ногами.

– Хьюберт! *Хьюберт!*

– Да, мамочка. Подожди.

Грейс продолжала причитать. Дьюк, как мог, пытался успокоить ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, сильно ушибла голень и наконец ощутила

под собой какую-то плоскую поверхность. Что это – она не поняла. Поверхность была наклонной.

– Наконец-то! – воскликнул Дьюк.

Спичка вспыхнула ослепительно ярко, так как воздух был перенасыщен кислородом.

Прозвучал голос Джо:

– Лучше ее погасить. А то может случиться пожар.

Тьму прорезал луч фонарика. Барбара позвала:

– Джо! Помоги мне с Хью!

– Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

– Может быть, он умирает.

– Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара снова попыталась найти у Хью пульс, наконец услышала слабое сердцебиение и, всхлипывая, обхватила его голову.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила возможность оглядеться. Пол убежища теперь накренился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила весь туалет. Если бы пол наклонился в другую сторону, они с Хью были бы похоронены под кучей баллонов и затоплены водой.

Через несколько минут до нее добрались Джо с Дьюком, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа. Дьюк спросил у Джо:

– Как же мы его понесем?

– Хью нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник!

– Все равно нужно его отсюда унести.

– Никуда мы его не понесем, – твердо сказал Джо. – Барбара, вы передвигали Хью?

– Только положила его голову к себе на колени.

– В таком случае больше его не шевелите. – Джо принялся осматривать своего пациента, осторожно прикасаясь к нему. – Серьезных травм я не вижу, – наконец решил он. – Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока Хью не придет в себя. Тогда я смогу проверить его глаза на предмет сотрясения мозга, проверить, сможет ли он шевелить пальцами на ногах, ну и все такое.

– Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь пострадал?

– Ничего заслуживающего внимания, – уверил ее Дьюк. – Джо считает, что сломал пару ребер. Я немного повредил плечо. Мать просто откатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Она тоже в полном порядке, если не считать шишки на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

– Только ушибы. Мы с Хью как раз раскладывали двойной пасьянс и пытались не растаять от жары, когда нас накрыло. – Она попыталась представить, как долго сможет продолжаться эта ложь. На Дьюке тоже ничего не было, но он, похоже, не обращал на это внимания. Джо был в одних трусах.

– А кот? – спросила вдруг Барбара. – С ним все в порядке?

– Если не ошибаюсь, Доктор Ливингстон – Я Полагаю, –

серьезно ответил Джо, — избежал травм. Но он очень недоволен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— Вы ничего необычного в этом взрыве не заметили?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось, что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один мощнейший удар, а потом... ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу попытаться восстановить освещение и определить ущерб. Заодно посмотрю, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее. В тишине она слышала, как бьется его сердце. Тогда она решила, что ей больше не от чего быть несчастной. К ней пробиралась Карен с фонариком, осторожно продвигаясь по наклонному полу.

— Как папа?

— По-прежнему.

— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — Она фонариком осветила Барбару.

— Нормально.

— Слава богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никогда не могла найти свои трусики. Джо так старается не смот-

реть в мою сторону, что на него просто больно глядеть. Какой-то он все-таки чересчур правильный и добропорядочный.

– Я совершенно не представляю, где моя одежда.

– Одним словом, единственный обладатель трусов среди нас – это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

– Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

– Хм... Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает – я сделала ей еще один укол.

– А ты не спешишь с выводами?

– Делать выводы – мое любимое развлечение. И я надеюсь, что мои непристойные предположения верны. Лично я бы предпочла что-нибудь поинтереснее, чем просто спать прошлой ночью. Тем более что эта ночь у нас, скорее всего, последняя. – Она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее. – Я тебя очень люблю.

– Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

– Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся лучше тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты осчастливила отца тем, что дала ему возможность разыграть шлем. И если ты смогла сделать его еще счастливее, то я этому только рада. – Она выпрямилась. – Ну ладно, пойду разбирать припасы. Если папочка очнется – позови. – Она вышла.

– Барбара!

– Да, Хью! Да!

– Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

– Слышал?

– Да. Она джентльмен по натуре. Барбара, я люблю тебя.

Может быть, мне не представится другой возможности сказать тебе это.

– Я тоже люблю тебя.

– Милая!

– Позвать остальных?

– Подожди немного. Тебе так удобно?

– Очень!

– Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

– Отдыхай сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя что-нибудь болит?

– О, болит-то у меня много чего, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка... Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

– Особенно спешить некуда.

– Лучше все-таки позовем его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью пришел в себя. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость. Оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного: ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара про себя пришла к заключению, что Хью

приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Обсуждать это предположение она ни с кем не стала.

Первое, что сделал Хью, – это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время процедуры тот то и дело вскрикивал, но после перевязки ему стало явно удобнее. Затем был произведен осмотр головы Карен. Хью решил, что здесь он бессилен.

– Пусть кто-нибудь посмотрит на термометр, – попросил он. – Дьюк?

– Термометр разбит.

– Не может этого быть! Ведь он целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

– Я уже смотрел на него, – объяснил Дьюк, – пока ты тут эскулапствовал. Кажется, стало прохладнее. Возможно, термометр и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

– Ах вот оно что! Ну да ладно, невелика потеря.

– Отец, может быть, хоть теперь испробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

– Понятно. Жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа, ни привета. – Он взглянул на часы. – Полтора часа назад. В два часа ночи. Еще у кого-нибудь есть часы?

Часы Дьюка показывали то же самое время.

– С нами, кажется, все в порядке, – заключил Хью, – если не считать запаса воды. Есть несколько пластиковых бу-

тылей, но воду из бака надо попробовать спасти, – возможно, нам придется ее пить. Будем обеззараживать ее таблетками галазона. Джо, нам понадобится какая-нибудь посуда, и пусть все вычерпывают воду с пола. Постарайтесь, чтобы она была почище. – Затем он добавил: – Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

– Армагеддону от этого поплохее, – сказала Карен.

Отец поморщился:

– Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Я больше никогда не буду неостроумно шутить перед завтраком».

– А по-моему, остроумно, Хью.

– Не надо поддерживать ее, Барбара. Хватит, беритесь за дело.

Карен ушла, но вскоре вернулась, неся Доктора Ливингстона.

– От меня там мало толку, – сообщила она. – Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помогать.

– Мя-а-а-у!

– Тихо! Придется, видно, дать ему рыбки и только тогда заняться завтраком. Чего изволите, босс Папа Хью? Крепсуетт?

– С удовольствием.

– Единственное, на что вы можете рассчитывать, – это

джем и крекеры.

– Ну и прекрасно. Как идет вычерпывание?

– Папочка, я отказываюсь пить эту воду – даже с галазоном. – Она состроила гримасу. – Ты же знаешь, *куда* она вытекла.

– Вполне возможно, что больше пить будет нечего.

– Разве что разбавить ее виски...

– Ммм... из всех ящичков со спиртным течет. Я открыл два из них, и в них было всего по одной неразбитой бутылке.

– Папа, не порти настроение перед завтраком.

– Вопрос в том, надо ли делить виски на всех поровну. Может, лучше приберечь его для Грейс?

– О! – Лицо Карен исказилось в гримасе мучительного раздумья. – Пусть она получает мою долю. Но остальных обделять только потому, что для Грейс эта потребность необходима...

– Карен, в данной стадии это не потребность. В каком-то смысле это для нее лекарство.

– О да! Конечно! А для меня лучшее лекарство – бриллиантовые браслеты и собольи шубы.

– Детка, нет смысла обвинять ее. Возможно, это моя вина. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, ты научишься принимать людей такими, какие они есть.

– Молчу, молчу. Возможно, я к ней несправедлива. Но я устала от того, что всякий раз, когда я привожу домой сво-

их приятелей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или лезет целоваться с ними на кухне.

– Она себя так вела?

– А ты что, не замечал? Нет, наверное, нет. Прости.

– Ты тоже прости меня. Но только за то, что я высказал в твой адрес. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь до моих лет...

– Папа, я вряд ли доживу до твоих лет – и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось всего две бутылки виски, этого, возможно, вполне хватит. И почему бы просто не налить всем желающим?

Он помрачнел:

– Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало немного прохладнее. Мы еще можем выкарабкаться.

– Что ж... тебе виднее. Кстати, о лекарствах: не запаса ли ты при строительстве этого монстра некоторым количеством антабуса?

– Карен, антабус не отбивает желания выпить. Просто, если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень скверно. Если ты права и наши шансы плохи, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг.

Карен вздохнула:

– Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта: ты всегда прав. Ладно, так и быть, пусть пользуется моей долей.

– Я просто хотел знать твое мнение. И ты в некотором роде помогла принять мне решение.

– И что же ты решил?

– Это не твое дело, зайныка. Займись приготовлением завтрака.

– Так и хочется плеснуть тебе в тарелку керосина. Ладно, поцелуй меня, папочка.

Он чмокнул ее в щеку:

– А теперь умолкни и принимайся за дело.

В конце концов все бодрствующие собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упрямо не хотели стоять. Миссис Фарнхэм все еще была в полусне от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили мясные консервы, крекеры, холодный «Нескафе», банку персикового компота и теплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины натянули трусы, Карен надела шорты и бюстгальтер. Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у подруги. Ее собственное белье нашлось, но насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

– Теперь мы должны кое-что обсудить, – возвестил Хью. – Желающие могут вносить предложения. – Он взглянул на сына.

– Отец... то есть Хью, я хотел сказать вот о чем, – сказал Дьюк. – Здорово пострадала уборная. Я немного привел ее

в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек от упаковки баллонов. Хочу предупредить... – он повернулся к сестре, – вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

– Это ты будь поосторожнее. Тебя самого с большим трудом научили пользоваться туалетом. Папа свидетель.

– Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Но нас здесь шестеро, и, я считаю, нам нужно сделать вторую уборную. Как думаешь, Джо, мы сможем ее сделать?

– Да, конечно, но...

– Что «но»?

– Вам известно, сколько осталось кислорода?

– Да. Наверное, скоро придется перейти на воздушный насос и фильтр. У нас уже нет действующего счетчика радиоактивности, поэтому мы не узнаем, насколько заражен воздух, которым мы дышим, тем не менее дышать нам необходимо.

– А вы проверяли насос?

– С виду он совершенно невредим.

– Это не так. Боюсь, отремонтировать его мне будет не под силу.

Мистер Фарнхэм вздохнул:

– Я заказал запасной, он должен был прийти через шесть месяцев. Ладно, потом посмотрю, что там можно сделать. Дьюк, ты тоже подключайся, вдруг сможешь чем-нибудь помочь.

– Ладно.

– Положим, мы не сумеем починить насос. В таком случае будем использовать оставшийся кислород как можно более экономно. Когда он закончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит время, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

– Ну, улыбнитесь же кто-нибудь! – воскликнул Хью, потом продолжил: – С нами еще не покончено. Дверь мы затянем фильтром, сделанным из простыней, – это все же лучше, чем ничего, он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше, он невредим. Я выберусь наружу, установлю антенну, и мы сможем слушать его здесь. Может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и поднимем флаг – любую тряпку. Нет, лучше поднять американский флаг – у меня один припасен. В этом случае, если даже мы и не выживем, то пойдем на дно с высоко поднятым флагом.

Карен принялась аплодировать.

– Карен, перестань паясничать.

– Я вовсе не паясничаю, папа! Я плачу.

Багрянец ракет возвещает войну,

Бомбы с ревом рвут тишину.
Но повторяю еще раз, друзья:
Нашему флагу падать нельзя...

Голос ее прервался, и она закрыла лицо ладонями. Барбара обняла ее за плечи.

Хью Фарнхэм между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— Ко дну мы не пойдем. Очень скоро наш район наверняка начнут обследовать с целью поиска выживших. Они заметят флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — держаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. — Задумавшись, он на мгновение смолк. — Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности спать двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Так мы сможем протянуть дольше всего. Единственное, что требуется сделать, — это отремонтировать насос, а если не сможем, то наплевать и на него. Смотрим дальше: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, назначаю тебя старшим хранителем воды. Определи, сколько ее у нас в распоряжении, годится ли она для питья, и разработа́й график выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть дозировочный стаканчик — воду дели с его помощью. Ну вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормиро-

вание воды. Ах да! Пот – это тоже нерациональная трата воды. Здесь все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок от пота. Снимите его.

– Можно выйти?

– Разумеется.

Она прошла, осторожно ступая по наклонному полу, в кладовую и переоделась в свой мокрый купальник.

– Вот так-то лучше, – одобрил он. – Теперь...

– Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Воды!

– Дюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

– Да, сэр.

– И не забудь, что кот тоже имеет право на свою порцию.

– Может быть, для него сойдет и грязная вода?

– Хм... Честность по отношению к нашему другу вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что остались честными до конца.

– Но он уже пил ее.

– Э-э-э... Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто еще хочет высказаться? Джо, тебя устраивает такой план?

– Видите ли... Нет, сэр.

– Вот как?

– Конечно, то, что минимум усилий сохранит нам много кислорода, – верно. Но когда придет время открыть дверь – на что мы будем рассчитывать?

– На удачу.

– Я имею в виду, а мы *сумеем это сделать*? С недостатком воздуха, задыхаясь, мучимые жаждой, может, больные; я хочу быть уверенным, что любой из нас – ну, скажем, Карен со сломанной рукой – сможет открыть эту дверь.

– Понимаю.

– Мне кажется, необходимо сначала опробовать все три двери. Бронированную лучше вообще не запирать. У девушек не хватит сил совладать с ней. Внешней дверью я готов сам заняться.

– Извини, но это моя привилегия. С остальным я согласен. Именно поэтому и предложил высказываться. Я устал, Джо, в голове все мешается.

– А если двери заклинило? А люк вообще могло завалить обломками...

– На этот случай у нас есть домкрат.

– Если двери не откроются, мы должны убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом, и боль будет раза в два сильнее. Между тем люк завален металлическими баллонами, а проход – всяким хламом. Расчистка потребует основательная. Босс, говорю вам, нам нужна уверенность в том, что сможем выбраться наверняка, – и побеспокоиться об этом необходимо именно сейчас, пока мы сохранили силы.

– Ненавижу посылать людей на тяжелые работы. Но ты

меня убедил. – Хью встал, подавляя стон. – Давайте займемся делом.

– У меня еще одно предложение.

– Вот как?

– Да. Вам следует отдохнуть и выспаться. Толком вы за это время так и не отдыхали, а помяло вас довольно здорово.

– Как раз со мной все в порядке. У Дьюка повреждено плечо, у тебя сломаны ребра, а сделать предстоит еще очень много.

– Думаю, лучше всего оттащить эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хотя она и женщина, но силой ее Бог не обидел.

– Конечно, – согласилась Барбара. – К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

– Не стоит. Босс... Хью, мне не хотелось бы еще раз упоминать об этом, но я считаю, что отдохнуть вам просто необходимо. То, что вы устали, – несомненно. Ведь вы на ногах уже сутки. И я буду чувствовать себя более уверенно, если вы отдохнете, – надеюсь, с этим вы не станете спорить?

– Он прав, Хью.

– Барбара, но и вы тоже глаз не сомкнули.

– Но мне не требуется принимать решений. В принципе, я могу прилечь, а Джо позовет меня, когда будет нужно. Да, Джо?

– Отлично, Барбара!

Хью улыбнулся:

– Объединяетесь против меня? Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут Хью уже лежал в мужской спальне. Он закрыл глаза, и сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать.

Дьюк и Джо обнаружили, что пять засовов на внутренней двери заклинило.

– Пусть, – решил Джо. – Мы всегда можем выбить их кувалдой. Давай пока отодвинем бронированную дверь.

Бронированная дверь, располагавшаяся за запирающей-ся, была не менее прочной, чем стены убежища. Она открывалась и запиралась с помощью механизма, приводимого в движение длинной рукояткой. Джо не удалось даже стронуть ее с места. Дьюк, который был тяжелее на сорок фунтов, тоже ничего не смог сделать. Тогда они навалились на ручку вдвоем.

– Ни с места.

– Ага.

– Джо, ты что-то говорил о кувалде?

Молодой негр нахмурился:

– Дьюк, я бы предпочел, чтобы твой отец сам сделал это. Ведь мы можем сломать ручку и обломать зубцы на шестеренке.

– Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этой ручки дверь весом в тонну или около того, а рассчитано

это хозяйство на то, чтобы двигать ее горизонтально.

– Эта дверь всегда была довольно тугой.

– Так что же нам делать?

– Расчистим аварийный выход.

Они присоединили к крюку в потолке трос и блок. С их помощью гигантские баллоны были извлечены из кучи и аккуратно расставлены по своим местам. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была очень тяжелой. Чтобы поднять ее, тоже пришлось использовать блок и трос.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонным. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

Туннель оказался завален припасами. Карен, так как была миниатюрнее всех, забралась внутрь и подавала их наверх, а Барбара укладывала рядом с отверстием люка.

Вдруг Карен крикнула:

– Эй! Владыка воды! Здесь есть вода в банках.

– Замечательно!

Джо сказал:

– Совсем забыл. Ведь сюда не заглядывали с тех пор, как убежище было оборудовано и снабжено припасами.

– Джо, а что делать с распорками?

– Я сам займусь ими. Ты только вытащи припасы. Дьюк,

туннель не защищен броней, как двери. Отверстие внизу прикрывает лист металла, закрепленный распорками, на него навалены припасы, а сверху все прикрывает крышка люка, которую мы сняли. В самом туннеле, с десятифутовыми интервалами, – перегородки из мешков с песком, а выход защищен слоем грунта. Твой отец считал, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне. Каждый слой должен был понемногу ослаблять удар.

– Боюсь, что мешки завалили крышку.

– В таком случае придется прокапываться сквозь песок.

– А почему нельзя было использовать настоящую броню?

– Он считал, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я пробиваться сквозь стальную преграду в этой узенькой норе.

– Тогда все ясно, Джо. Зря я называл это место «норой в земле».

– Да, ты прав. Это не просто нора. Можно назвать наше убежище машиной – машиной для выживания.

– Больше ничего нет, – возвестила Карен. – Не поможет ли мне какой-нибудь джентльмен выбраться отсюда? Например, ты, Дьюк?

– А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу? – Дьюк помог сестре выбраться из лаза.

Джо спустился вниз, морщась от боли в груди. Доктор Ливингстон, внимательно наблюдавший за происходящим,

спрыгнул в люк вслед за своим товарищем, используя его плечи в качестве посадочной площадки.

– Дьюк, будь добр, передай мне молоток... Не мешай, Док. Нечего тут распускать хвост.

– Забрать его? – спросила Карен.

– Не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

– Дьюк, мне опять понадобится лебедка. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принял на себя всю тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше.

– Вот конец троса.

– Отлично. Док! Чтоб тебя... Док! Не путайся под ногами! Дьюк, дай постоянное натяжение. Кто-нибудь, дайте фонарик! Я отодвину крышку и выгляну.

– И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

– Придется рискнуть. Еще немного... Она подается... высвободилась!

Долгое время Джо ничего не говорил. Наконец Дьюк спросил:

– Ну, что там?

– Я не уверен... Дай-ка я поставлю ее на место. Передай мне еще одну распорку.

– Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там уви-

дел?

Негр, устанавливая крышку на место, вдруг заорал:

– Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в туннель! Док!!!

– Далеко он не убежит.

– Ладно... Карен, ты не могла бы пойти разбудить отца?

– Черт побери, Джо! *Что ты там видел?*

– Дьюк, я и сам не знаю. Потому-то мне и нужен Хью.

– Я спускаюсь.

– Здесь тесно двоим. Сейчас я выберусь наверх, и тогда Хью сможет спуститься сюда.

Хью появился, когда Джо был уже наверху.

– Джо, что у тебя?

– Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

– Хорошо... Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку. – Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

– Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

– Что там, папа?

– Вытащи крышку, и сам сможешь сюда спуститься.

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами.

Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

– Достаточно, Дьюк. Выбирайся оттуда.

Когда Дьюк присоединился к остальным, отец спросил его:

– Ну и что ты думаешь на этот счет?

– Это невероятно.

– Папа, – напряженно произнесла Карен, – кто-нибудь скажет, в конце концов, что там произошло? Если мне сейчас же не скажут, что там, я вот этой кувалдой грохну кого-нибудь по башке!

– Конечно, детка. Да, там достаточно места, можете спуститься вдвоем.

Дьюк и Хью помогли спуститься Барбаре, а та помогла слезть вниз Карен. Обе девушки приникли к отверстию.

– Лопни мои глаза! – тихо выругалась Карен и полезла в туннель.

– Детка! Вернись! – крикнул ей Хью, но она не ответила. Тогда он спросил: – Барбара, скажи, что ты там видишь?

– Я вижу, – медленно произнесла Барбара, – очаровательный, поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный солнечный день.

– Да, и мы видели то же самое.

– Но это невозможно.

– Да.

– Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках Доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!»

– Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля, – возможно, оно радиоактивно.

– Карен! Отойди от туннеля подальше! Хью, сколько сей-

час времени?

– Начало восьмого.

– А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно.

– Не знаю, что и думать.

– Хью, я хочу выйти.

– Э-э-э... А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.

– Хорошо. – И она полезла в туннель.

Хью повернулся к своему заместителю:

– Джо, я наружу. Принеси-ка мне мой «сорок пятый» и ремень. Я не должен был выпускать девочек без оружия. – Он полез в люк. – А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

– От кого? – спросил Дьюк. – И что здесь охранять-то? Отец колебался.

– Не знаю. Просто у меня какая-то смутная тревога. Ну ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо!

– Иду.

– Джо, возьми оружие для себя и для Дьюка. Потом подожди, пока мы выберемся наружу. Если мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Подобной ситуации я не предвидел. Такого просто *не может быть*.

– Что есть, то есть.

– Это уж точно, Дьюк. – Хью нацепил револьвер и опустился на колени.

В отверстии туннеля по-прежнему виднелась пышная зелень – там, где должны были зиять воронки от взрывов и спекшаяся в вулканическое стекло земля. Он полез вперед.

Он выбрался из туннеля, поднялся на ноги и огляделся.

– Папочка! Разве здесь не чудесно?!

Карен стояла немного ниже, на склоне холма, у подно-

жия которого протекал ручей. За ручьем простиралась возвышенность, покрытая лесом. На их стороне леса не было.

В голубом небе ярко светило солнце, а вокруг – ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время не было заметно никаких признаков пребывания здесь человека: ни зданий, ни дороги, ни тропинки, ни следов реактивных самолетов в небе. Окрестности выглядели совершенно девственно, он не узнавал этих мест.

– Папа, я хочу спуститься к ручью.

– Иди сюда! Где Барбара?

– Я здесь, Хью. – (Он поднял голову и увидел, что она стоит почти рядом с ним, над убежищем.) – Пытаюсь понять, что произошло. Как ты думаешь?

Убежище находилось на склоне холма – большой прямоугольный монолит. Оно было покрыто землей, за исключением мест, где обломился участок туннеля и где должна была находиться лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо над ними виднелась покореженная бронированная дверь.

– Не знаю, что и думать, – признался Хью.

Появился Дюк, волоча за собой винтовку. Он встал, посмотрел вокруг и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон – Я Полагаю, играя, прыгнул на ногу Хью и отскочил. Очевидно, на взгляд персидского кота, место, где он оказался, заслуживало всяческого одобрения: оно словно специ-

ально было создано для его породы.

– Сдаюсь. Объясните мне, что произошло, – взмолился Дьюк.

Хью не ответил.

– Папочка, – пожаловалась Карен, – ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу искупаться. От меня воняет.

– От грязи еще никто не умирал. Я и так ничего не сообщаю. Не хватало еще беспокоиться, что ты утонешь...

– Он же мелкий!

– ...или что тебя задерет медведь, или что тебя засосет в зыбучие пески... И вообще, девочки, лучше вам вернуться в убежище и вооружиться, а потом вылезать наружу, если уж так хочется. Но обязательно держитесь друг друга и будьте начеку. Скажите Джо, пусть идет сюда.

– Есть, сэр! – Девушки нырнули в туннель.

– Так что ты думаешь, Дьюк?

– Ну... лучше я помолчу.

– Если тебе есть о чем молчать, это уже неплохо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто в ступоре. Я постарался запланировать и просчитать все ситуации. Но такого у меня в списке не было. И потому, если у тебя сложилось какое-то мнение, ради бога, не молчи.

– Ну... Все это выглядит как гористая местность в Центральной Америке. Но конечно, это невозможно.

– Какой смысл беспокоиться, что возможно, а что невозможно. Предположим, это Центральная Америка. Чего бы

ты опасался в первую очередь?

– Дай подумать. Тогда тут могут быть пумы. Наверняка змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, что-то говорил о медведях?

– Я имел их в виду как символ. Нам следует быть начеку до тех пор, пока мы не поймем, с чем можем столкнуться.

Появился Джо с ружьем и стал молча любоваться представшей его глазам картиной.

– Голодать нам не придется. Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья, – заметил Дьюк.

Хью посмотрел в направлении, указанном Дьюком. На них с интересом взирал пятнистый олененок ростом не больше трех футов. Очевидно было, что он ни капельки не боится людей.

– Может, свалить его? – предложил Дьюк. Он вскинул винтовку.

– Нет, не нужно. До тех пор, пока мы не начнем испытывать острой необходимости в свежем мясе.

– Ладно. Симпатичная зверюшка, верно?

– Да, очень. Но я встречал североамериканского оленя. Это не он. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся:

– Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Так что мне не полагается думать. И иметь свое мнение.

– Перестань!

– Хорошо. Я в самом деле не знаю, что и предположить.

Может быть, русские придумали какую-то галлюциногенную бомбу?

– Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же?

– Не знаю. Вот если бы я подстрелил этого оленя, держу пари, мы могли бы им закусить.

– Мне тоже так кажется. Джо? Идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок:

– Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

– Хью, вообще-то, одну вещь ты можешь сделать.

– Что именно, Дьюк?

– Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

– Отличная идея. – Хью полез было в убежище, но у самого выхода столкнулся с Карен, которая собиралась выбраться наружу, и послал за радио ее. Дожидаясь, он размышлял, из чего бы соорудить лестницу. Забираться в убежище через люк, находящийся на высоте шести футов, было утомительно.

Радиоприемник ловил статические разряды, и ничего больше.

Хью выключил его.

– Попробуем еще раз вечером. Ночью я когда-то слушал с его помощью Мексику и даже Канаду. – Он нахмурился. – Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть.

Если только они не стерли нас с лица земли.

– Ты не прав, отец.

– Почему же, Дьюк?

– Этот район, например, вообще не затронут войной.

– Именно поэтому я не могу понять молчания радио.

– И все же Маунтин-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтин-Спрингсе.

– А кто говорит, что мы там? – возразила Карен. – В Маунтин-Спрингсе отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате.

– Это очевидно. – Хью взглянул на убежище, огромное, громоздкое, массивное. – Но где же мы?

– Ты когда-нибудь читал комиксы, папочка? Мы – на другой планете.

– Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

– А я и не шучу. Ничего подобного нет в радиусе тысячи миль от нашего дома. Так что это вполне может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась.

– Хью, – сказал Джо, – хоть это и глупо, но я согласен с Карен.

– Почему, Джо?

– Ну... понимаешь, *где-то* ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

– Ты испаряешься.

– Что-то я не чувствую себя испарившимся. И не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела тысячи миль, грохнулась оземь и осталась цела и невредима, если не считать сломанных ребер и вывихнутого плеча. А предположение Карен... – он пожал плечами, – можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас в четвертое измерение.

– Вот-вот, то же самое я и говорю, папа. Мы на другой планете! Давайте ее исследовать!

– Угомонись, детка. Что касается другой планеты... Кто сказал, что мы должны обязательно знать, где мы находимся? Наша задача – приспособиться к данным условиям.

– Карен, – сказала Барбара, – мне все-таки не верится, что это не Земля.

– Не порти веселья. Почему нет?

– Ну... – Барбара кинула камешком в соседнее дерево. – Это вот – эвкалипт, а там, за ним, – акация. Конечно, ничего похожего на Маунтин-Спрингс, но все же совершенно обычная субтропическая флора. Если твоя «новая планета» покрыта точно такими же растениями, как и Земля... Короче говоря, это наверняка Земля.

– Не порти веселья... – повторила Карен. – Почему бы на другой планете не развиться тем же растениям?

– Это было бы так же удивительно, как и одинаковые...

– Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! – до-

неся из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель:

– Иду, иду!

Ланч они устроили под сенью дерева, недалеко от убежища. Хью решил, что туннель был расположен достаточно глубоко под землей, так что вряд ли был опасно заражен радиацией. А вот что касалось крыши убежища, тут Хью не был в этом так уверен. Поэтому он установил дозиметр (из всех приборов, измеряющих радиацию, уцелели только дозиметры) на крыше, чтобы сравнить его показания с показаниями прибора, оставшегося внутри. С большим облегчением он убедился в том, что дозиметр определил набранную ими дозу облучения как существенную, но далеко не летальную, а также в том, что показания приборов совпадают друг с другом.

Единственной мерой предосторожности было то, что ружья они держали рядом с собой – все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружей» и сначала вообще отказывалась сидеть в соседстве с «этими ружьями».

Тем не менее поела она с завидным аппетитом. Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, разогретой тушенкой с горохом, консервированными бататами и компотом. А самое главное – сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться, хватит ли воздуха и не случится ли пожар.

– Замечательно, – произнесла Грейс. – Хьюберт, дорогой, знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Мне известно, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в таком экстраординарном состоянии... и мои нервы еще немножечко не на месте. Так вот, Джозеф, вам нетрудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди...

– Грейс.

– Что, дорогой? Мы могли бы немного отпраздновать наше чудесное спасение.

– Я не уверен, что бренди у нас есть.

– Что? Не может быть, ведь было целых два ящика.

– Большинство бутылок разбилось. Это порождает еще одну проблему. Дьюк, ты потерял работу хранителя воды, но ты назначаешься виночерпием. У нас остались еще, по крайней мере, две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, раздели все спиртное на шесть частей, только раздели поровну, будет ли это по нескольку бутылок каждому или по нескольку глотков.

На лице миссис Фарнхэм отразилось полное непонимание. Дьюк явно испытывал неудобство. Карен поспешно сказала:

– Папа, вспомни, что я тебе говорила.

– Ах да!.. Дьюк, твоя сестра отказывается от своей доли. Поэтому храни ее в качестве медицинского средства. Если, конечно, Карен снова не передумает.

– Мне не нравится моя новая должность, – сказал Дьюк.

– Дьюк, мы должны распределить обязанности. Да, кстати, то же самое сделай и с сигаретами. Уж если они кончатся, так кончатся навсегда, а вот насчет спиртного у меня есть надежда, что нам когда-нибудь удастся получить самогон. – Он повернулся к жене. – Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

– Таблетки?! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется, хочешь сказать, что я не имею права выпить?

– Ничуть. Две бутылки уцелели во всяком случае. На твою долю придется как минимум полпинты. Если хочешь выпить – ради бога.

– Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку бренди.

– Нет! – резко вмешался ее супруг. – Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

– Ерунда, Хью, я сбегаяю.

– Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Лаз в убежище не доставит ему приятных ощущений. А ты запросто можешь забраться туда – ведь ты единственная, кто не пострадал.

– Неправда!

– На тебе ни царапинки. А все остальные – кто в синяках, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей. Я хочу, чтобы ты взяла на себя готовку. Карен будет твоей помощницей. Да, Карен?

– Конечно, папочка.

– Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это со временем, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

– Ах вот как? Тогда, будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет делать Джозеф, чтобы оправдать расходы на свое содержание?

– А может быть, *ты* скажешь мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая... разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному?

– Не говори ерунды! Когда ситуация переменится, Джозеф получит до цента все, что ему причитается. Он и сам прекрасно это знает. Кроме того, мы спасли ему жизнь. И вообще были всегда добры к нему, так что он вполне может немного подождать с платой. Верно, Джозеф?

– Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя как дитя и посмотри фактам в лицо. У нас больше ничего нет. У нас никогда не будет денег. У нас нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтин эксчендж бэнк». Нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

– Я понимаю только одно: ты пытаешься найти оправда-

ние своей грубости.

– Ты получила работу по своим способностям.

– Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоём доме двадцать пять лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

– Ты не права ни в одном, ни в другом. Большую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу. Да и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали тяжелые времена. Теперь же предстоят – тяжелее некуда, и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить... или не будешь есть.

– О-о-о! – Она разрыдалась и бросилась к убежищу.

Ее спина уже исчезла в туннеле, когда Дьюк встал, чтобы последовать за матерью. Отец остановил его:

– Дьюк!

– Да?

– Подожди минутку, а потом можешь идти. Я собираюсь выбраться на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

– Ладно.

– Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, тебе лучше взять на себя роль охотника. Стреляешь ты гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты счи-

таешь?

– Ну что ж... хорошо.

– Отлично. А теперь пойді успокой ее и... Дьюк, постарайся заставить ее понять, что происходит.

– Попробую. Но я согласен с матерью. Ты ведешь себя с ней грубо.

– Может быть. Ступай.

Дьюк резко повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

– Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

– Я решил, что иначе нельзя, Карен. Если бы я не сделал этого, она вообще бы палец о палец не ударила, а только гоняла Джо взад-вперед, обращаясь с ним как с наемным поваром.

– Да ладно, Хью, я не против того, чтобы готовить. Например, приготовление сегодняшнего ланча было для меня сплошным удовольствием.

– Она готовит гораздо лучше, чем ты, Джо, и она, именно она будет заниматься стряпней. Не приведи господь поймать мне тебя помогающим ей.

Юноша улыбнулся:

– Не поймаешь.

– Надеюсь. В противном случае я сниму с тебя шкуру и прибью ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

– Очень мало.

– Но ведь ты ботаник.

– Нет, в лучшем случае я могла бы им стать когда-нибудь.

– Что делает тебя втрое лучшим фермером по сравнению с нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином. В убежище должны быть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Осмотри все это и постарайся найти место для огорода. А уж мы с Джо вскопаем, что нужно, и все такое прочее. Но тебе придется руководить нами.

– Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

– Как ты догадалась?

– Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

– Есть. И однолетних, и многолетних. Сегодня выбирать место не нужно. Я не хочу, чтобы вы, девочки, далеко отходили от убежища, пока мы хорошо не разнюхаем обстановку. Джо, сегодня нам нужно сделать две вещи: лестницу и две уборных. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

– Так... средне. Могу вбить гвоздь.

– Тогда не разрешай Джо делать то, что способна сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам необходима. А тебе, Карен, мой цветочек, предоставляется почетная обязанность выкопать два туалета.

– О боже! Ну спасибо!

– Просто два углубления. Одно для вас, эфемерных со-

зданий, другое для нас, грубых мужчин. Потом мы с Джо соорудим сначала что-нибудь вроде небольших будочек. Потом возьмемся за дом – бревенчатый или даже каменный.

– Интересно, папочка, ты сам-то собираешься что-нибудь делать?

– Конечно, дорогая. В основном умственную работу. Планирование, управление, контроль. По-твоему, это не адский труд? – Он зевнул. – Ну ладно, всего хорошего. Я, пожалуй, прошвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а остаток дня проведу за добрым крепким плантаторским пуншем.

– Папочка, может, ты лучше примешь холодный душ из ручья? Выдумал тоже, туалеты!..

– Отчизна будет гордиться тобой, дорогая!

Хью с сыном вышли через полчаса.

– Джо, – предупредил Хью, – мы собираемся вернуться до темноты, но в случае вынужденной задержки мы до утра будем жечь костер и возвратимся завтра. Если тебе придется идти искать нас, ни в коем случае не ходи один, а возьми с собой любую из девушек. Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться, только босоножки на шпильках. Проклятье! Придется изготовить мокасины. Ты понял?

– Конечно.

– Мы пойдем по направлению к тому холму – видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Может быть, удастся заметить какие-ни-

будь признаки цивилизации.

Они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков, компасов, биноклей, горных ботинок и плащей. Плащ и ботинки оказались Дьюку впору: он сообразил, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами; тот, кто шел позади, старался не отставать и считал шаги, а идущий впереди изучал окрестности, определяя направление по компасу и запоминая увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. В поисках брода они немного прошли вниз по течению. Вокруг было много всякой живности. Особенно изобиловали эти места миниатюрными оленями, на которых, очевидно, никто не охотился, по крайней мере люди, так как по пути Дьюк заметил пуму и дважды им встречались медведи.

Когда они достигли вершины, было уже примерно три часа пополудни. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, к тому же они никогда не занимались альпинизмом. Как только они забрались наверх, у Хью возникло горячее желание рухнуть на землю и больше не вставать. Но он преодолел эту минутную слабость и огляделся. К востоку местность казалась более ровной. Его взгляду предстало бесконечное пространство прерий.

И ни малейших признаков присутствия человека.

Хью настроил бинокль и стал изучать окрестности. Заметив движущиеся вдали силуэты, он решил, что это антилопы, а может, и кто-то покрупнее, и подумал, что за ними стоит понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом...

– Хью!

Он опустил бинокль.

– Да, Дьюк?

– Видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

– Не спорю.

– Это Маунтин-Джеймс. Отец, мы дома!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Посмотри на юго-запад. Видишь там три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вон та остроконечная гора между ними и Маунтин-Джеймс – это Хантерс-Хорн. Неужели ты не видишь? Ведь линия горизонта уникальна, как отпечатки пальцев. Это Маунтин-Спрингс!

Хью пригляделся. Действительно, вид был ему знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы на рассвете из него была видна вся панорама. Сколько раз он сиживал на закате и смотрел на эти горы!

– Ты прав.

– Конечно прав, – с иронией согласился Дьюк. – Будь я проклят, если понимаю, как это произошло! Сдается мне, – он топнул ногой, – что мы на вершине водонапорной башни.

На том месте, где она раньше находилась. А... — Он сощурился. — Насколько я понимаю, убежище располагается прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе не двигались с места!

Хью достал блокнот, в который они записывали количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то посчитал.

— Да. Все в пределах погрешности.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

Хью взглянул на небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Пожалуй, часа через три. Солнце скроется за горами часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, следовательно, дорогу обратно одолеем значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Да.

— Можешь дать мне одну? И запиши на меня, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться. — Он огляделся. — Место здесь открытое, так что ни один хищник не сможет подкрасться к нам незамеченным. — Он положил ружье на землю возле себя, затем снял ремень и уселся сам.

Дьюк протянул отцу сигарету. Они закурили.

— Отец, ты невозмутим, как рыба. Ничто тебя не удивляет.

— Ты так считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не демонстрировать этого.

– Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и ему сейчас больше всего хотелось, чтобы никуда не нужно было возвращаться.

Неожиданно Дьюк произнес:

– Кроме того, ты очень любишь издеваться над людьми.

– Возможно, ты и прав, если, по-твоему, то, как я поступаю, – издевательство. Человек всегда старается делать только то, что ему хочется, то, что его «радует», – в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, так только потому, что мне это доставляет большее удовольствие, чем бесконечное сидение на шоссе.

– Не нужно утрировать. Тебе просто приятно издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность... до тех пор, пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это.

– Пора нам двигаться, – сказал отец и стал надевать ремень.

– Еще минутку. Я хочу кое-что тебе показать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считанные секунды.

Хью выпрямился.

– Что такое?

– А вот что: твоя роль отважного капитана окончена. – Дьюк дал отцу сильную затрещину. – Это тебе за издевательство над мамой! – Он ударил еще раз – на этот раз с другой

стороны и настолько сильно, что сбил отца с ног. — А это за то, что ты приказал ниггеру наставить на меня ствол!

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойный.

— Не ниггер, Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганым ниггером. Можешь встать. Больше я тебя бить не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся:

— Нам пора идти обратно.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Давай-давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал, пока мы покинем убежище.

— Согласен. Кто пойдет первым? Я? Мне кажется, так будет лучше.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто *должен* был сделать это.

— Неужели?

— Да, черт возьми! Чтобы не потерять уважения к самому себе.

— Хорошо. — Хью застегнул ремень, взял ружье и направился к последней сделанной им по пути отметке.

Шли они молча. Наконец Дьюк произнес:

— Отец!

— Да, Дьюк?

– Прости...

– Забудем об этом.

Они продолжали идти и, дойдя до ручья, нашли место, которое переходили вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

– Только один вопрос, отец, – снова нарушил молчание Дьюк. – Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе снова было подковыривать мать?

Немного подумав, Хью ответил:

– Барбара теперь не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а приготовление пищи – единственное, что умеет делать Грейс. Или, ты считаешь, она должна бездельничать, в то время как остальные вкалывают?

– Естественно, нет. Все мы должны быть чем-то заняты, само собой разумеется. Но зачем ты издеваешься над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

– Дьюк!..

– Да?

– Последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

– Ну и что?

– Просто больше не пытайся драться со мной. Безопаснее будет выстрелить мне в спину.

– Вот как!

– Да, а пока ты не решишь застрелить меня, тебе придется мириться с моим руководством. Или ты хочешь взять ответственность на себя?

– Ты что, предлагаешь мне это?

– Я не могу делать такого предложения. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать – она точно. Может быть – и сестра. А вот что касается мнения Барбары и Джо – тут ничего нельзя сказать наверняка.

– А как же *ты*, отец?

– Лучше я не буду отвечать тебе на этот вопрос: я ничего тебе не должен. Но я надеюсь, что до тех пор, пока ты не решишь сделать заявку на лидерство, ты будешь сознательно подчиняться мне так же, как делал это, дав клятву.

– Ну ты и сказанул! Сознательно подчиняться! Надо же!

– В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии подавлять мятеж каждые несколько часов – а их с твоей стороны было уже два, – да и твоя мать страдает полным отсутствием дисциплины. В подобных условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя только сознательное подчинение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

– Но послушай, ведь я же сказал тебе, что я...

– Тихо! Если ты сам не решишь, как вести себя в подобных условиях, то самый лучший выход для тебя – выстрелить мне в спину. И не думай взять меня голыми руками или дать возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дюк, если я замечу угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу. Но один из нас наверняка будет мертв.

Некоторое время они шли, не разговаривая. Мистер Фарнхэм так и не обернулся. Наконец Дьюк спросил:

– Отец, скажи же, ради бога, почему ты не можешь руководить демократично? Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

– Да, ты не хочешь власти. Ты просто хочешь быть пассажиром на заднем сиденье, который указывает водителю, куда ему ехать.

– Чепуха! Я хочу, чтобы все было демократично.

– Неужели? Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми и имеет ли она право накачиваться виски? А как нам вести заседания? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время дебатов будем или нет? Может, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лени и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

– Не говори глупостей!

– Я просто пытаюсь выяснить для себя, что ты подразумеваешь под демократичностью. Если ты понимаешь ее как постановку любого вопроса на голосование – ладно, готов помочь тебе попробовать, – разумеется, если ты сам будешь подчиняться любому решению большинства. Пожалуйста, выдвигай свою кандидатуру в председатели. Я устал от ответственности и знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

– Это еще один вопрос. С чего это у Джо должно быть право голоса в этих вопросах?

– А я думал, ты хочешь, чтобы все было «демократично».

– Да, но ведь он...

– Кто же он, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

– Ты любишь все вывернуть наизнанку.

– Это у тебя вывернутые наизнанку идеи. Можем использовать формальную демократию – правила порядка, дебаты, тайное голосование, все такое – в любой момент, когда тебе захочется испробовать эту чушь. Особенно – в такой момент, когда тебе захочется поставить вопрос о недоверии и перехватить лидерство, а мне все так осточертеет, что я сам буду надеяться на твой успех. Но пока что у нас и так самая *настоящая* демократия.

– Вот как?

– Я действую в интересах и от имени большинства – четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Но меня это не устраивает. Мне необходимо абсолютное большинство, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы нас стало пятеро против одного еще до того, как мы вернемся в убежище. Я жду от тебя заверений в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем «издевательств», твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза, – это в том случае, если ты не намерен бороться за лидерство.

– Ты просишь, чтобы я согласился на *такое*?

– Нет, я настоятельно *советую* тебе это сделать. Или сознательное подчинение с твоей стороны... или при следующем столкновении один из нас умрет. Учти, я ни словом, ни жестом не стану предупреждать тебя. Вот поэтому-то наилучший для тебя выход – выстрелить мне в спину.

– Перестань болтать чепуху! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не выстрелю тебе в спину!

– Уверен? Потому что я-то выстрелю тебе в спину или куда придется, если проблемы снова возникнут. Дьюк, я вижу только один выход из этой ситуации. Если ты не согласен на добровольное подчинение, если ты не считаешь, что способен сместить меня, если ты не можешь заставить себя убить меня и если ты опасаясь, что во время очередного конфликта один из нас будет убит, то тогда есть вполне мирное решение этой проблемы.

– Какое?

– Ты можешь уйти в любое время, когда захочешь. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты посчитаешь необходимым. Хоть ты этого и не заслуживаешь, но я не могу тебе позволить уйти ни с чем.

Дьюк зло рассмеялся:

– Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо, а всех женщин оставляешь себе?

– Отчего же? Любой, кто захочет, может уйти с тобой. Со своей законной и равной с остальными долей всего, что у нас

есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

– Что ж, я подумую.

– Подумай, подумай. А пока займись-ка лучше политической, чтобы увеличить свои шансы на победу в «демократических» выборах, и постарайся быть осторожным, чтобы не схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Я честно предупреждаю тебя. Тем более что мое терпение кончилось – ты выбил мне зуб.

– Прости, я не хотел.

– Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «добровольно подчиняться» с того, что сделаешь вид, будто мы прекрасно провели время.

– Слушай, отец, если ты не хочешь, чтобы...

– Помолчи. Меня от тебя тошнит.

Когда они подошли к убежищу совсем близко, их заметила Карен и радостно закричала. Из туннеля тут же вылезли Джо и Барбара. Карен помахала лопатой:

– Посмотрите, что я уже сделала!

Она выкопала туалеты по обе стороны от убежища. Каркасы их составляли щиты, сбитые из стволов молоденьких деревьев и обшитые листами картона от ящиков со спиртным. Сиденья были сделаны из досечек, которыми была обшита кладовая.

– Ну как? – требовательно спросила она. – Разве они не великолепны?

– Да, – согласился Хью, – значительно более основательно, чем я ожидал от тебя. – Он не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

– Я работала не одна. Большую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцу!

– Ты ушибла палец, Барбара?

– Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

– Обязательно. – Он полез было в туннель, но Джо остановил его:

– Хью, пока не стемнело, давай кое-что обсудим.

– Ради бога. Что именно?

– Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Допустим, мы соорудим ее: что мы будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

– Что ж, возможно, – согласился Хью. – Я предполагал, что мы будем использовать его в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

– Думаю, оно не так уж радиоактивно, Хью. Стрелку дозиметра зашкалило бы, если бы крыша была по-настоящему «горячей». Ведь этого не произошло.

– Радостная весть. Ну, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам необходимо жилище с ровным полом.

– Это я и имел в виду, Хью. Что, если использовать гидравлический домкрат? Его грузоподъемность – тридцать тонн. А сколько весит убежище?

– Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и стали. – Хью достал блокнот. – Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

– Ладно, это была просто идея.

– Возможно она совсем не плоха. – Хью задумчиво обошел вокруг убежища – прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту, прикидывая углы, вымеряя расстояния.

– Можно попробовать, – решил он наконец. – Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков.

– А сколько времени может занять такая работа?

– Думаю, вдвоем можно управиться за неделю, если не попадутся валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

– Совсем неразрешимой?

– Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что скальные породы нам не встретятся. Подкопанный край будем укреплять бревнами. Когда закончим, выдернем бревна с помощью талей и блока. Затем выровняем убежище домкратом и закрепим. Вынутой землей мы подсыплем ту часть, которая окажется в воздухе. В общем, потная работенка.

– Тогда я начну завтра с утра.

– Как бы не так! И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я с нашими лихими девицами. Да и Дюка подключим, после того как он подстрелит нам оленя, – консервы, я думаю, лучше экономить. Кстати, что вы сделали с пустыми консервными банками?

– Зарыли.

– Их нужно выкопать и вымыть. Жестяная банка для нас дороже золота – она годится для чего угодно. Ладно, поднимемся, а то я еще не насладился лестницей.

Лестницу смастерили из двух обтесанных стволиков, к которым прибили ступеньки все из тех же ящичных дощечек. Хью отметил про себя, что древесина расходуется более чем неэкономно, ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, чего нельзя получить, просто сняв телефонную трубку! Например, эти рулоны туалетной бумаги – по одному в каждой кабинке. Их не следовало оставлять там – а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется пользоваться листьями, или вообще ничем.

Многое, очень многое они привыкли принимать как само собой разумеющееся. Гигиенические пакеты – насколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить всех, что изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка, –

все следует беречь как зеницу ока. Нужно без усталости следить за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от бездумной траты чего бы то ни было.

– Замечательная лестница, Барбара!

Она, казалось, очень обрадовалась похвале.

– Самое трудное сделал Джо.

– Вовсе нет, – стал отпираться Джо. – Я только давал советы и подправил стамеску.

– Все равно, кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

– О, конечно же выдержит! – с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, следует предупредить и насчет батарей. Нужно сказать девушкам, чтобы разыскали в книгах, как делают свечи.

– Где Грейс, Карен?

– Маме нездоровится. Она прилегла.

– Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом. – Хью вошел в женскую комнату, чтобы посмотреть, что за недуг сразил жену.

Грейс лежала на койке в одежде, забывшись в тяжелом сне, и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко. Она даже не пошевелилась.

– Дьюк!

– Да?

– Иди сюда. Все остальные выйдите.

Хью спросил у подошедшего сына:

– Ты давал ей выпить после ланча?

– Да. Но ведь ты и не запрещал.

– Я не обвиняю тебя. Сколько ты ей дал?

– Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

– Как по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно. Отчаявшись, он сказал:

– Отец, я понимаю, ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятье, ведь ты прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство.

– Не волнуйся, Дьюк. Надо думать, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

– Может быть, – нахмурился Дьюк. – Я дал матери выпить, как только обнаружил первую уцелевшую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Кажется, нашел все, что осталось, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас...

– Нет, все ящики находились в одном месте. Шесть ящиков.

– Правильно. Я нашел тринадцать целых бутылок – двенадцать по три четверти литра и литровую бутылку бурбона. Я еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона оставил на всякий случай. Я открыл «Кингс Ронсом», налил порцию матери и отметил уровень

виски на этикетке карандашом. Сейчас мы узнаем, прикладывалась она еще раз к нему или нет.

– Ты спрятал спиртное?

– Да, я спрятал весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Я прикинул, что ей довольно трудно будет забраться туда, – ведь я не такой уж идиот, отец. Она была в своем отсеке и не могла видеть, как я прячу ящик. Правда, она могла догадаться...

– Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте, нетронутые, тринадцатая – едва начата. Дьюк поднял ее повыше.

– Вот! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все началось, после второго взрыва. Куда она делась?

– Когда вы заснули, мы с Барбарой слегка приложились к ней, но до дна там было далеко. Я больше ее не видел. Она осталась в кладовой.

– А! Все ясно. Разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы наводили там порядок. Но тогда я не понимаю, где мать могла взять спиртное?

– Она не брала его, Дьюк.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это не виски. – Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке. – Посчитай, сколько здесь капсул секонала. Ты вчера сколько выпил вечером – две?

– Да.

– Карен выпила одну перед сном, одну позже. Одну выпил Джо. Ни я, ни Барбара, ни Грейс не принимали его. Итого пять капсул секонала.

– Подожди, я считаю.

Отец принялся считать капсулы, которые откладывал Дьюк.

– Девяносто одна, – объявил Дьюк.

– Правильно. – Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек. – Следовательно, она приняла четыре.

– Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

– Ничего.

– Но как же? Неужели у тебя нет сердца... Ведь она пыталась покончить с собой!

– Успокойся, Дьюк. Она и не думала делать ничего подобного. Четыре капсулы – шесть гран – у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова как бык: месяц назад она была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения. – Хью нахмурился. – Алкоголик – это уже само по себе достаточно плохо. Но люди часто, сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

– Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения?

– Ты не пользовался ими?

– Ни разу в жизни, только те две прошлой ночью.

– Помнишь, что ты сам чувствовал, когда принял две капсулы прошлым вечером? Тепло, радость и безопасность?

– Нет, я просто лег и отключился, а потом сразу очнулся стоящим на голове.

– Значит, у тебя еще не развилось привыкание к лекарству. А Грейс прекрасно знает, что за эффект оно дает. Опыянение, счастливое опьянение. Правда, я раньше не замечал, чтобы она принимала больше одной капсулы, но раньше и в спиртном ее никто не ограничивал. Если человек начинает пить снотворное, потому что не может раздобыть спиртное, его дела плохи.

– Отец, ты должен был подальше убирать от нее спиртное давным-давно!

– А как, Дьюк? Постоянно твердить, что выпивки она не получит. На вечеринках вырывать рюмку из рук? Ссориться на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей не давали в кредит? Разве что-нибудь удержало бы ее в таком случае от соблазна начать закладывать вещи в ломбард?

– Мама никогда не опустилась бы до этого.

– Это типичное поведение в таких случаях. Дьюк, пойми, нельзя удержать взрослого человека, желающего получить спиртное. Даже правительство Соединенных Штатов оказалось в свое время в этом плане бессильным. Более того. Невозможно быть ответственным за чье-либо поведение. Я говорил о том, что отвечаю за нашу группу. Не совсем так.

Самое большое, что я, или ты, или любой другой руководитель мог бы сделать, — это заставить каждого нести ответственность за себя. — Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу. — Вероятно, моя ошибка состояла в том, что я дал Грейс возможность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала в доме. Дьюк, сам посуди, *что* тут можно было придумать, кроме как бить ее?

— Ну... эта проблема потеряла актуальность. Что нам делать сейчас?

— Вот именно, мистер юрист. Что ж, спрячем для начала пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Этого я не стал бы делать.

— Ты бы не стал? Я не ослышался, что ты назначил меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что, будь я на твоём месте, я бы не стал этого делать. Такой поступок был бы необдуманным.

— Ну, я так не считаю. Отец, я не буду разбираться в том, мог ли ты не дать матери дойти до состояния, в котором она сейчас пребывает. Но лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. Виски так и так скоро кончится. Может, лучше было бы не мешать ей пока. Если ты согласишься, я мог бы вложить в это дело одну из своих бутылок. Да кой черт, хоть обе! Я люблю пропустить стопарик не

меньше любого другого, но Грейс это необходимо.

– Это не имеет значения, – решительно заявил его сын. – Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

– Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

– Какое?

– Утром встань пораньше, пока она еще спит. Вынеси все спиртное наружу и зарой его в месте, известном только тебе. А потом открывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. Открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

– Звучит разумно.

– Перед нами стоит еще одна проблема – держать от матери подальше снотворное.

– Его тоже закопать?

– Нет, оно необходимо здесь. И не только снотворное. Демерол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимые. Если она не сможет найти секонал – пять пузырьков по сто капсул в каждом, – нельзя предсказать заранее, что она попытается принять. Придется воспользоваться сейфом.

– Чем?

– В толщу бетона вмонтирован небольшой сейф. Там ни-

чего нет, кроме ваших свидетельств о рождении и других документов. Да, еще немного патронов и две тысячи серебряных долларов. Деньги хорошо бы куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве металла. Ключ к сейфу – комбинация «4 июля 1776 года»⁶.

– «47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

– Тогда я сразу так и сделаю!

– Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов... Дьюк, до сих пор ты был распорядителем спиртных напитков и сигарет, а теперь ты назначаешься еще и распорядителем лекарств. Поскольку я на некоторое время по уши заруюсь в землю, ты становишься моим заместителем по распределению и отныне отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, батареи, «клинекс», иглы...

– Боже милостивый! А погрязней работенки не найдется?

– Сколько угодно, Дьюк. Каждому я пытаюсь поручить ту работу, которая соответствует его талантам. Джо слишком не уверен в себе, к тому же он пока не воспользовался ни единой возможностью что-нибудь сэкономить; Карен живет только сегодняшним днем. Барбара чувствует себя безбилетным пассажиром, хотя это и не так, она не сможет ни на кого прикрикнуть. Я бы сам занялся этим, но меня ждут другие,

⁶ 4 июля 1776 года – День независимости, национальный праздник США. – Примеч. С. В. Голд.

не менее важные дела. Ты же самый подходящий для этого человек! Ты не колеблясь отстаиваешь свои права и, случается, проявляешь даже дальновидность, правда не слишком часто.

– Большое спасибо. Мне сразу стало понятно.

– Самое сложное, что тебе предстоит, – это вбить им всем в головы, что необходимо беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева – те вещи, которые американцы за долгие годы привыкли бездумно транжирить. Что еще? Рыболовные крючки. Продукты не так важны – мы постоянно будем пополнять запас: ты – охотой, Барбара – огородничеством. И тем не менее возьми на строгий учет продукты, которые невозможно возместить. Соль. Ты должен следить за тем, чтобы соль расходовалась особенно бережно.

– Соль?

– Если ты не наткнешься на солончак во время охоты. Соль... Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи перед тем, как отдать их меховщику. Но так ли это было необходимо?

– Не знаю.

– Нужно посмотреть. Проклятье, очень скоро мы обнаружим, что я не догадался запастись множеством вещей, без которых нам просто не обойтись.

– Отец, – возразил Дьюк, – по-моему, ты и так сделал все, что мог.

– Ты так думаешь? Приятно слышать. Тогда мы попробу-

ем...

– Папа!

– Да? – Хью выглянул в кладовую.

Из люка показалась голова Карен.

– Папа, нельзя ли нам войти? Пожалуйста! Снаружи уже темно и страшно. Что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь. А Джо не разрешает нам, пока ты не скажешь.

– Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

– Есть, сэр! Отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды! Млечный Путь похож на неоновую вывеску. И Большая Медведица... Может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

– Точно не могу сказать. – Тут он вспомнил, что женщины и Джо еще не знают об их открытии – о том, что они находятся в графстве Джеймс, район Маунтин-Спрингс. Но рассказать об этом должен Дьюк – ведь это он определил их местонахождение. – Дьюк, хочешь еще раз оглядеться перед тем, как мы закроемся?

– Спасибо, я уже видел звезды.

– Ну, как знаешь. – Хью выбрался наружу, подождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и убедился, что Карен была права: никогда еще не приходилось ему видеть такое глубокое в своей чистоте небо, не загрязненное ни малейшим признаком смога.

– Изумительно!

Карен взяла его за руку.

– Да, – согласилась она, – но я бы все-таки предпочла обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. И мы слышали, как воют койоты.

– Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рычание пумы. Джо, ты держи кота ночью взаперти, да и днем лучше не давать ему отлучаться.

– Далеко не убежит, он не такой храбрый. К тому же кто-то уже поучил его уму-разуму.

– Меня тоже! – провозгласила Карен. – Это медведи! Барбара, ползи внутрь. Папа, если взойдет луна, то это уж точно Земля, – в этом случае я больше никогда ни на грош не поверю комиксам.

– Лучше спроси у своего брата, где мы находимся.

За ужином открытие Дьюка было основной темой разговоров. Разочарование Карен немного возмещалось ее интересом к тому, отчего никто из них раньше не смог определить, что они находятся в Маунтин-Спрингсе.

– Дьюк, ты действительно уверен в том, что говоришь?

– Ошибки быть не может, – ответил Дьюк. – Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось взобраться на самую вершину Водонапорного холма.

– Так вы, значит, столько времени потратили на дорогу к Водонапорному холму? Но ведь до него пять минут ходу.

– Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей.
– Думаю, что это из-за бомбы, – вдруг сказала Барбара.
– Конечно, Барбара. Вопрос только в том, как...
– Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую, как утверждали русские, они имели на орбите. Ту, которую обычно называли «космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла нас.

– Продолжай, Барбара.

– Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая – еще хуже: они нас едва не поджарили. Третья же просто здорово встряхнула нас – бабах! – а потом не было ничего – ни шума, ни жара, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали ли вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. Миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса⁷, а Марк Антоний искренне ненавидел рыжих. Мир, в котором Бен Франклин был убит током от воздушного змея⁸. Так вот: это один из таких миров.

– Сначала автомобили, а теперь еще и Бенджамин Фран-

⁷ Роберт Эссекс (1567–1601) был фаворитом английской королевы Елизаветы I (1533–1603). После заключения перемирия с ирландскими повстанцами был предан суду, попытался поднять восстание, но был арестован и осужден. Казнен в 1601 году. – *Примеч. ред.*

⁸ Бенджамин Франклин (1706–1790) – ученый, исследователь атмосферного электричества, один из авторов Декларации независимости США и американской Конституции 1787 года. – *Примеч. ред.*

клин! Я пошла посмотреть Бена Кейси⁹.

– Это ты зря, Карен. Космическая бомба угодила в нас прямым попаданием и вышвырнула в параллельный мир. В мир, где все точно такое же, как у нас, за исключением одного – в нем никогда не было людей¹⁰.

– Не уверена, что мне понравится мир без людей. Я бы предпочла другую планету с воинами верхом на тоатах... Или это были зитидары?¹¹

– Ну и как тебе моя гипотеза, Хью?

– Я стараюсь быть беспристрастным и пока одно могу сказать: мы не должны рассчитывать на то, что встретим других людей.

– Мне нравится твоя теория, Барбара, – заявил Дьюк. – Она объясняет все. Выстрелены, как арбузная косточка из пальцев. Фьюйть!

– Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами:

– Пусть эта гипотеза войдет в историю как теория пространственного переноса Барбары Уэллс и будет безоговорочно принята всеми. Принято единогласно, на этом закан-

⁹ Бен Кейси – герой одноименного популярного медицинского сериала, который выходил в эфире Эй-би-си в 1961–1966 годах. – Примеч. С. В. Голд.

¹⁰ Здесь и далее игра слов: «world with no men» может означать «мир без людей» и «мир без мужчин». – Примеч. С. В. Голд.

¹¹ Тоаты – восьминогие верховые животные, зитидары – слоноподобные существа, населяющие Марс (Барсум) в знаменитом цикле романов Э. Р. Берроуза. – Примеч. С. В. Голд.

чиваем. Я, например, чертовски хочу спать. Кто где спит, Хью?

– Минутку. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Сын мой, поклонись публике. – Хью объяснил свою программу жесткой экономии. – Дьюк с течением времени усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Допустим, я нахожу согнутый гвоздь на полу в дамской комнате – виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение, например за трату спички, – протаскивание под килем. Еще одно нарушение – и виновного вешают на городской площади при большом стечении народа.

– Ха! А мы все будем смотреть!

– Помолчи, Карен. Конечно я шучу. Никаких наказаний не будет, только суровое осознание того, что ты лишил остальных чего-то необходимого для жизни, здоровья или комфорта. Так что не смейте пререкаться с Дьюком. И я хочу произвести еще одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

– Ну, это слишком сильно сказано. Мистер Грегг, наш преподаватель, так не думал.

– Хью, я знаю стенографию. А тебе она зачем?

– Ладно, Барбара. Назначаю тебя нашим историографом. Сегодня – День первый. Ну, или продолжай использовать привычный календарь. Только придется его немного сдвинуть, – судя по звездам, сейчас зима. Каждый день ты долж-

на фиксировать события, а потом расшифровывать записи. Тебе также присваивается звание «хранительница огня». Я полагаю, что вскоре ты станешь ею на самом деле: нам придется разжигать огонь и сохранять его. Ну вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержал.

– Хью, я буду спать в кладовой. А ты ложись на койку.

– погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя нам с Барбарой помыться в кладовой? Мы можем использовать воду? Нам это просто необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, *обязаны* мыться.

– Конечно, Карен, – согласился Дьюк.

– С водой проблемы нет, – сказал Хью, – но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула:

– Я и не думала, что ты шутишь. Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Правда, я не уверена, что дотерплю. Я, конечно, постараюсь: очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведями, но...

– Надо думать, туалет остался на своем месте.

– Ну... я думала, что теперь, когда у нас эти новехонькие отхожие места...

– Да пользуйтесь, пользуйтесь.

– Хорошо! Братишка, тогда дай нам с Барбарой водички

для туалета и можешь отправляться спать.

– Мыться вы раздумали?

– Помыться мы можем и в женской спальне, когда вы все уляжетесь поживать. Так что мы не будем вгонять вас в краску.

– Я не краснею.

– А должен бы.

– Тихо, – вмешался Хью. – Мы должны следовать правилу «Нет – ложному стыду». Здесь мы скучены хуже, чем в московской коммунальной квартире. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

– Я слышала, что они моются совместно, – сказала Карен. – И была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

– Так вот, они говорят следующее: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться нигде – переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола, – иначе возникает множество сложностей. Поэтому советую: меньше обращайтесь на это внимания. – Он посмотрел на Джозефа. – Я и о тебе говорю. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

– Так уж я воспитан, Хью, – упрямо ответил Джо.

– Меня тоже «так воспитали», но я стараюсь изо всех

сил. После целого дня тяжелой работы, может случиться, только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

– Я все-таки рискну выкупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

– Джо, не мели чепухи. Ты мой заместитель.

– Не по своей инициативе.

– И перестанешь им быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно и под охраной любого из нас.

– Нет уж, благодарю покорно, – заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм вздохнул:

– Вот уж от кого, а от тебя я глупостей не ожидал. Дьюк, ты не поможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

– С удовольствием! – Дьюк схватил ружье и начал деловито заряжать его. У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

– Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. А теперь, Джо, возьми только ту одежду, в которой был вчера вечером. За одежду, которая припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой – ведь превыше всего ты ценишь свою скромность. Но твоя жизнь – это твоя проблема. Давай пошевеливайся.

Джозеф медленно спросил:

– Мистер Фарнхэм, вы это серьезно?

– Сейчас я не менее серьезен, чем ты, когда прицеливался

в Дьюка. Ты помог мне прижать его. Ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после этого спустить тебе то, чего я не стерпел от них? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами, после чего группа распадется и мы все погибнем. Поэтому я предпочту, чтобы ты ушел один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Кота с собой взять не позволю: я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях у негра. Джо медленно поднялся, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

– Если, конечно, ты не предпочтешь остаться с нами, – добавил Хью.

– А можно?

– Можно, но только на общих для всех условиях.

По щекам Джо медленно скатились две слезы. Он потупился, погладил кота и тихо сказал:

– Тогда я останусь. Я согласен.

– Отлично. В таком случае для подтверждения своего согласия извинись перед Барбарой.

Барбара была поражена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

– Э-э-э... Барбара, прости меня.

– Не стоит, все в порядке, Джо.

– Я буду... счастлив и горд, если мне когда-нибудь доведется купаться под вашей охраной. Разумеется, если вы согласитесь.

– Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

– Благодарю вас.

– А теперь, – возвестил Хью, – предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

– А почему бы и нет?

– Дьюк?

– Я лучше прикорну. Если кому-нибудь приспичит на горшок – смело шагайте через меня.

– Ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не мешаться под ногами. Впрочем, нет, лучше забирайся на верхнюю койку.

– А где ты будешь спать?

– Я лягу последним. Мне нужно кое-что обдумать. Джо, играть будешь?

– Сэр, я не горю желанием играть сейчас в карты.

– Пытаешься поставить меня на место?

– Отнюдь нет, сэр.

– Не стоит, Джо. Предлагаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

– Благодарю. Я все-таки предпочел бы не играть.

– Черт возьми, Джо! Неужели мы будем держать обиду друг на друга? Вчера вечером Дьюку, например, пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то ведь чуть было не вышвырнули в радиоактивный ад, а не отправили порезвиться с игривыми мишками, как тебя. Разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом.

Потом внезапно вскинул голову и улыбнулся:

- Один роббер. И я оберу тебя до нитки.
- Черта с два! Барби! Будешь четвертой?
- С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он разобрал карты и угрожающе произнес:

- Ну, теперь держитесь!
- Следи за ним, Барби.
- Хочешь побочную ставку, па?
- А что ты мне можешь предложить?
- Ну... хотя бы мое юное тело.
- Не пойдет, чересчур толстовато.
- Ты просто ужасно несправедлив ко мне! Я не толстая, а пикантно пухленькая. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

- И что ты за все это хочешь?
- Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз Хью играет из рук вон плохо: он то и дело обсчитывался, часто сбрасывал не в масть. Она поняла, что Хью еле жив от усталости, милый, бедняжка! Видно, кому-то придется прижать и его, не то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести груз на своих плечах.

Через сорок минут Фарнхэм написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали укладываться спать. Хью с удовлетворением заметил, что Джо разделся и наги-

шом лег на нижнюю койку. Именно так, как ему и было велено. Дюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко: такая груда железобетона не могла быстро остыть, а воздух снаружи перестал поступать, как только закрыли крышкой люк. С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что нужно придумать какую-нибудь решетку, которая бы не выпускала внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом...

Он взял фонарик и вошел в кладовую.

Книги снова были кем-то расставлены по полкам, кроме тех, которые еще лежали раскрытыми для просушки. Он задумчиво перелистал несколько штук, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете... Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, которой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Каким-то образом сожжение миллионов книг казалось ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают. Смерть ни для кого не делает исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее, ведь книги были бессмертной душой человечества. Сжигатели книг учинили зверство над беззащитными и не ожидавшими удара книгами.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете в сотнях публичных библиотек. Купленные

в газетных киосках, они согревали его в момент одиночества. Внезапно он почувствовал, что, если бы ему не удалось сохранить некоторые из них, жизнь потеряла бы для него смысл.

Большую часть библиотеки он собрал ради практической пользы: «Британская энциклопедия»... Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор: «Ведь их потом, возможно, будет трудно купить». Объемистость энциклопедии его тоже не совсем устраивала, но это издание являлось самым компактным хранилищем знаний из всего того, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары «Партизанская война» – слава богу, что она им не понадобится! Да и соседние с ней: справочник Янки Леви о методах Сопротивления, книга «О партизанской войне» Мао Цзэдуна в переводе Гриффита и книга Тома Уинтрингема «Новые способы ведения войны» (пособие для войск специального назначения) – можно забыть!

Я не хочу воевать,
Я не пойду воевать,
Мне не нужна война опять!¹² —

вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Справочник по констру-

¹² Слова из «Down by Riverside», негритянского спиричуэла позапрошлого века. – *Примеч. С. В. Голд.*

ированию» Эйшбаха, «Пособие по ремонту радиоаппаратуры», «Охота и рыболовство», «Съедобные грибы и как их распознать», «Домоводство в колониальную эпоху», «Ваш загородный дом: печи и трубы», «Поваренная книга бродяги», «Медицина без докторов», «Пять акров и независимость», самоучитель русского языка, русско-английский и англо-русский словари, справочник растений, «Пособие по выживанию», разработанное отделом ВМФ, «Техника выживания» штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» – все известные ему книги, точнее, самые практичные и дешевые.

«Антология английской поэзии» оксфордского издания, «Сокровища американской поэзии», «Книга игр» Хойла, «Анатомия меланхолии» Бертона, его же «Тысяча и одна ночь», старая добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета, полное собрание стихотворений Киплинга и его «Сказки просто так», однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, «Занимательная математика», «Так говорил Заратустра», «Учебник старого опоссума по котоведению» Т. С. Элиота, «Человек и море» Р. Фроста...

Жаль, что ему не хватило времени собрать всю художественную литературу, как он планировал. И особенно жаль, что нет здесь произведений Марка Твена, – для них он нашел бы место. Как жаль, что...

Поздно, слишком поздно. Его скромная библиотека – это все, что осталось от некогда могучей культуры. «Верхушка

башни окунулась в облака...»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? Что-то важное... Ах да! Дубление кожи. Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее – заглянуть в «Британнику» или в томик «Домоводства в колониальную эпоху».

Нет, слава богу, соль не нужна. «Найдите дуб...» – впрочем, лучше, если Барбара сама найдет его, это заставит ее ощутить себя полезной. И для Джо нужно подыскать какое-нибудь дело, которое только он один будет способен довести до конца. Пусть бедняжка потешится общим восхищением, почувствует, что действительно нужен всем. Что его любят. Главное – не забыть...

Хью с трудом дошел до главной комнаты, взглянул на верхнюю койку и понял, что не испытывает ни желания, ни сил забираться на нее. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул.

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались, чтобы вымыть посуду и прибраться. Дьюк отправился на охоту, взяв с собой кольт сорок пятого калибра и охотничий лук. Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадали безвозвратно. Дьюк несколько раз выстрелил из лука и пришел к выводу, что его плечо в норме.

Он сверил часы и договорился, что если его не будет к трем часам, то возле убежища зажгут дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все книги, которые хоть немного отсырели, а затем, вооружившись киркой и лопатой, принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь, но Хью категорически отказался от всякой помощи.

– Слушай, Джо, ведь нужно сделать тысячу дел. Пожалуйста, займись ими. И никакой тяжелой работы.

– Что бы мне такое сделать?

– Ну, например, составь инвентарные списки. Помоги Дьюку в учете всего, что невозможно восстановить. По ходу дела у тебя будут возникать разные соображения, записывай их. Посмотри по книгам, как изготавливаются мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку. Следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт побери, да хоть придумай, как устроить канализацию и

водопровод без труб, унитазов, свинца и цемента.

– Разве такое возможно?

– Но ведь кто-то же сделал это первым! И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

– Хорошо. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

– Да, и еще, Джо. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом необязательно.

– Хорошо. Но только я скажу им, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали...

– Послушай, Джо. Эти девушки – пара нормальных, здравомыслящих, злых на язычок американских девчонок. Можешь им говорить что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их мировоззрения является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Так что не будь слишком убедительным, ты оскорбишь их чувства.

– Кажется, я понял, – сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах – если его не могли застукать. Но этот неисправимый питомец воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву¹³ постеснялся бы взгля-

¹³ *Леди Годива*, графиня Ковентри, на спор проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом Леофриком, графом Мерси и лордом Ковентри. – *Примеч. ред.*

нуть. Хороший парень – а воображения ни на грош. Правда, положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто прошлым вечером...

Очень скоро Хью понял, что его худшие опасения подтвердились: работать без тачки оказалось невозможно. Он пришел к такому заключению, не успев еще выкопать достаточно большой ямы. Трудиться без всякой механизации было, конечно, тяжело, но таскать землю в ведрах было просто оскорблением здравого смысла!

Тем не менее он начал выносить землю вручную, напряженно думая при этом, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента, мастерской, плавильной печи – одним словом, ничего...

Постой-постой... Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, а в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь можно получить из дерева, а меха – это просто шкуры животных да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет сварганить колесо, просто-таки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Вокруг него растут тысячи деревьев... Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия – самая симпатичная маленькая страна в мире...

– Док, брысь из-под ног!

...Конечно, если только Финляндия еще существует.

Девушкам, должно быть, понравится финская баня, где

они могли бы попариться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни парикмахерских, ни салонов красоты. Может быть, хоть сауна послужит для них утешением. Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке спадет с нее нынешняя одутловатость и она снова станет стройной? Какой она раньше была красавицей!..

Показалась Барбара с лопатой.

– Где ты ее взяла? И что собираешься делать?

– Это лопата, которой работал Дьюк. Я собираюсь копать.

– Босиком? Ты с ума со... Ба, да на тебе ботинки!

– Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен.

Где мне начинать?

– Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее пятисот фунтов – зови на помощь. Где Карен?

– Купается. А я решила пропотеть по сильнее, а потом помыться по основательнее.

– Мойся, когда захочешь. И не вздумай работать здесь полный день. Тебе это не под силу.

– Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и... – Она не договорила.

– Как играть в бридж?

– Да, как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так. Тоже.

– Барби, девочка моя...

После этого он почувствовал, что и копать можно с удовольствием. Дайте разуму отдыхать, а мышцам – тренировку. Отличное занятие. Он слишком долго обходился без этого.

Барбара работала уже с час, когда из-за угла появилась миссис Фарнхэм.

– Доброе утро! – Барбара добавила по лопате земли в каждое из ведер, подняла их наполненными наполовину и исчезла за углом.

Грейс Фарнхэм обратилась к мужу:

– Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили. Ты понимаешь? – Она была в том же наряде, в котором спала. Ее лицо опухло от сна.

– Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

– Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в неизвестном месте? Я к этому не привыкла.

– Грейс, никто не хотел тебя обидеть. О тебе просто позаботились.

– Это называется забота? Ладно, не будем больше об этом.

– Хорошо.

– А ты и рад. – Заметно было, что она старается взять себя в руки. Затем она спросила напрямик: – Может быть, ты все-таки прервешься ненадолго и сообщишь мне, куда спрятал мою выпивку? Мою! Мою долю. Я бы и не подумала прикоснуться к твоей, после того как ты так обошелся со мной. На

глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

– Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Все спиртное находится в ведении Дьюка. И я не знаю, где он держит его.

– Ты лжешь!

– Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

– О! Какой ты все-таки жестокий!

– Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

– Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне! Он обещал мне это!

– Дьюк ушел на охоту. Намеревался вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на него, потом резко повернулась и бросилась за угол.

Тут же появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

– Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора, – сказал Хью.

– Какого?

– Если только ты не отходила отсюда более чем на сто ярдов, то сама знаешь какого.

– Хью, это не мое дело.

– В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть

дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

– Хью, да мне и в голову никогда бы не пришло критиковать твою жену.

– Тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Вспомни Карен.

– Должно быть, Карен очень похожа на нее?

– Да, похожа, но Карен никогда не отличалась ответственностью. На Грейс же всегда во всем можно было положиться. Я находился на действительной службе – офицерский чин я получил только после Перл-Харбора. Ее родители были, что называется, добропорядочными бюргерами. И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего солдата.

– Еще бы!

– А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в те дни быть женой молодого парня, призванного в армию! При полном отсутствии денег. Родители Грейс хотели, чтобы она вернулась домой, но не присылали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Грейс не бросила меня.

– Она молодец.

– Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной-единственной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, сидеть в приемных покоях военно-морских госпиталей. Экономить буквально на

всем. Оставаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы найти себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной – сортировать грязное белье. И все же, когда бы я ни приехал на побывку, она была неизменно красива, жизнерадостна и ни на что не жаловалась. Александр родился на второй год...

– Александр?

– Дьюк. Его назвали в честь дедушки по материнской линии и крестили без меня. Ее родители после рождения внука пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в свою семью. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента. Она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка.

Эти годы были самыми тяжелыми. По службе я продвигался довольно быстро, и деньги уже не были такой проблемой. Началась война, я был произведен из старшин в младшие лейтенанты, а закончил ее лейтенантом-коммандером у «морских пчелок»¹⁴. В сорок шестом мне пришлось выбирать: снова переходить в старшины или увольняться в запас. С согласия Грейс я стал гражданским и оказался на берегу, без работы, но с женой, с сыном, посещавшим начальную школу, и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трей-

¹⁴ «Морские пчелки» – инженерно-строительные части ВМФ США. – Примеч. С. В. Голд.

лере. Была безумная инфляция, и цены непрестанно росли. Все, что мы имели, – это несколько облигаций военного времени.

Настал второй тяжелый период нашей жизни. Я ввязался в подряды, потерял на этом все сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила очень мужественно: трудолюбивая домохозяйка, активный член местной ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное – всегда оптимистично настроенная.

Вскоре я стал начальником в строительной компании. Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. На сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с мира по нитке и ухитрился построить дом. Продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор удача не покидала меня.

Лицо Хью Фарнхэма стало задумчивым.

– Вот тут-то она и стала сдавать. Когда мы наняли прислугу. Когда стали держать в доме спиртное. Мы не ссорились – мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику.

Она стала опускаться именно тогда, когда я стал де-

лать деньги. Пережить процветание ей было не под силу. Она привыкла выкручиваться в неблагоприятных обстоятельствах и, когда мы разбогатели, ощутила себя не у дел. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

– Конечно, Хью.

– Надеюсь.

– Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

– Черт возьми, в этом нет никакой нужды. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая и эгоистичная женщина – не вся Грейс и в том, что она покатилась по наклонной плоскости, – не только ее вина. Со мной не так просто ужиться, Барбара, как ты думаешь.

– Вот как?

– Да! Когда я получил возможность отойти от дел, я не оставил свой бизнес. Я позволил себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина часто остается одна, она может начать с лишнего бокала пива перед телевизором, пока идет реклама, потом выпить еще один, и еще... Впрочем, все равно, если бы я даже и бывал по вечерам дома, то посвятил бы свой досуг чтению. Но я не только ушел в бизнес с головой, я вступил в местный бридж-клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она неплохо играла, но без энтузиазма, а мне нравится бороться за каждое очко. Я не могу ее критиковать за это – нет никакой добродетели в том, чтобы бороться за выигрыш, будто это вопрос жизни и смер-

ти. Метод Грейс лучше, а если бы и я тоже был поспокойнее... ну, возможно, она не стала бы такой, как сейчас.

– Чепуха!

– Что?

– Хью Фарнхэм! Никто не виноват в том, кем становится человек. Убеждена, что это так. Я являюсь такой, какая есть, потому что сама пожелала этого. То же и с Грейс. И с тобой. – И уже тише она добавила: – Я люблю тебя. И судьба Грейс – не твоя вина. И ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. Я просто слышать не могу и не хочу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: «*Mea culpa!*»¹⁵ Ты не приписываешь себе в заслугу достоинства Грейс. Зачем же брать на себя вину за ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся:

– Семь без козыря.

– Вот так-то лучше.

– Я тебя люблю. Считаю, что я тебя поцеловал.

– Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы, – вдруг сказала она уголком рта.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, накрашенными губами и улыбающаяся.

– Какое вдохновляющее зрелище! – воскликнула она. – Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и глоток воды?

– Скоро захотим, – согласился отец. – А пока не слишком

¹⁵ «Моя вина!» (лат.). – Примеч. ред.

перегружай эти ведра, а то не донесешь.

Карен попятилась:

– Но я не вызывалась работать с вами!

– Ладно, не будем формалистами.

– Но, папа, я ведь только что помылась!

– А что, разве ручей пересох?

– Папа! Я уже приготовила ланч. На свежем воздухе. А вы слишком грязные, чтобы появляться в моем хорошеньком, чистеньком домике.

– Ты права, детка. Пошли, Барбара. – Он поднял ведра.

К ланчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен передала ее заявление, что она решила поесть в убежище. Хью не стал вмешиваться: и так, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт-те что.

– Хью... я вот насчет канализации... – нерешительно начал Джо.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

– Если у нас будет водопровод, я гарантирую, что обеспечу нас сантехникой.

– Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется. Облицовку цветным кафелем. Лучше цвета лаванды, я думаю. И туалетный столик с...

– Помолчи, детка. Так что же ты придумал, Джо?

– Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка какой-нибудь его участок рас-

положен выше убежища. Насколько я помню, римские акведуки были беструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

– Понимаю. – Фарнхэм обдумывал идею. В сотне ярдов выше по течению был небольшой водопад. Возможно, чуть подальше найдется нужная высота. – Но ведь это означает массу строительных работ, будь то сухая кладка или раствор из грязи. И для каждой арки еще понадобится рама.

– А может, мы просто выдолбим половинки стволов? И укрепим их на опорах из бревен?

– Можно и так. – Хью подумал, затем добавил: – Но можно и еще проще, таким образом мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

– Не поняла...

– Ты сказала, что здесь субтропики. А ты можешь определить, какое сейчас время года? И чем грозит смена сезона? Я вот к чему клоню: нужна ли нам ирригация?

– Господи, Хью, я понятия не имею.

– Подумай хорошенько.

– Ну, – она оглянулась, – не думаю, чтобы тут когда-нибудь свирепствовали морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический дождевой лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды сменяются засушливыми.

– Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собираешься разбить огород?

– Может быть, на той поляне, немного ниже по течению, к югу? Правда, придется выкорчевать там несколько деревьев и довольно много кустов.

– Деревья и кусты – не проблема. Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати свой сорок пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень не хватать вас.

– Папа, я думала немного вздремнуть.

– Отлично! В процессе работы обдумай этот вопрос как следует.

Хью и Джо стали пробираться вверх по ручью.

– Что ты придумал, Хью?

– Канаву с постоянным наклоном к убежищу. Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для приготовления пищи и мытья посуды. И для огорода, причем она будет течь с места настолько высокого, что ее можно будет отвести, куда только пожелает Барбара. Но самым главным удовольствием и роскошью для наших женщин станет возможность с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

– Хью, как ты собираешься подвести воду – я понял. Но ведь не может она просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

– Я еще не обмозговал детали, но мы обязательно устроим

все как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит придется сделать такой, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты – обычное дело на военных кораблях. Там это просто: доска с небольшим стульчаком. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы пустим ее через лаз, а затем подальше от дома отведем. Ты нигде не встречал глину?

– Ниже по течению в одном месте берег глинистый. Карен еще пожаловалась, что очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению – там песчаный пляжик.

– Потом пойду взгляну. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: унитазом, раковиной, посудой, трубами. Построим печь для обжига из сырой глины и будем использовать ее и для приготовления пищи, и для гончарных дел. Но глина – дело второе, она только облегчает задачу. Вода – вот настоящее золото. Недаром все цивилизации возникли близ воды. Джо, мне кажется, мы забрались достаточно высоко.

– Может, поднимемся еще повыше? Обидно будет, если придется копать канаву длиной в двести метров.

– Гораздо длиннее.

– Тем более. Выкопаем, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

– Мы сначала все обследуем.

– Обследуем? Хью, ты шутишь! У нас нет никаких геодезических инструментов, даже обычного ватерпаса. При

взрыве в нем разбилось стекло. И у нас нет ни треноги, ни теодолита, вообще ничего!

– Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Не важно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

– Ты смеешься надо мной, Хью?

– Ничего подобного. Древние механики делали эти нехитрые приборы задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы соорудим обычный отвес. Он похож на перевернутую букву «Т», к которой прикреплен шнурок с грузом, отмечающий вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, но требующая аккуратности. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы пусть трудятся на выемке грунта.

– Ты мне только начерти этот злосчастный прибор, а уж сделать-то я его сделаю.

– Когда выровняем убежище, мы поставим эту штуку на крышу и с ее помощью найдем точку ручья, которая на той же высоте. Когда выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, пока мы будем рыть канаву, по пути нам придется убрать пару деревьев. Надеюсь, никаких других трудностей не возникнет. Не дрейфь, Джо! Все будет нормально!

– Непыльная работенка, да?

– Непыльная, но потная. Если за день мы будем делать футов по двадцать неглубокой канавы, то вода для орошения

появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать. Девочки будут рады уже и тому, что она должна будет появиться в перспективе. Джо, мне кажется, отвод нужно делать здесь. Понимаешь почему?

– А что здесь понимать?

– Чтобы перегородить ручей, мы срубим вон те два дерева. Потом навалим в их кроны кустов и грязи – всего, что попадется под руку, – и получим отличный пруд. Нужно было бы сделать шлюз, – добавил Хью, – но я пока не знаю как. Да, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению следующих. Проклятье!

– Хью, ты пытаешься пересчитать цыплят еще до наступления осени.

– Пожалуй, что и так... Ладно, пошли посмотрим, много ли девицы накопили, пока мы валяли дурака.

Выкопали за время их отсутствия немного. Вернувшийся с охоты Дьюк принес небольшого оленя. Девушки теперь безуспешно пытались освежевать его. Карен с ног до головы была забрызгана кровью.

Они оторвались от своего занятия, заметив, что мужчины возвратились. Барбара вытерла пот со лба, испачкав его при этом кровью.

– Никогда бы не подумала, что внутри у него столько всего.

– И оно такое гадкое, – вздохнула Карен.

– Так это еще очень маленький олень.

– Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим поучиться.

– Я? Но я занимался спортивной охотой. А всю грязную работу обычно делал егерь. Впрочем... Джо, дай-ка мне вон тот маленький топорик.

– Сейчас. Я как раз вчера наточил его. Он очень острый. Хью разрубил тушу и извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проткнуть кишечник.

– Ну вот и все. Остальное – ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре могла бы уже щеголять в ней. Ты не видела поблизости дубов?

– Только карликовой формы. И еще сумах¹⁶. Ты ломаешь голову, как получить танин?¹⁷

– Да.

– Я знаю, как извлечь его из коры.

– Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай: в книгах есть описание процесса.

– Это нам известно. Я уже туда заглядывала. Док! Не смей ничего трогать!

– Он не будет есть, – заверил ее Джо, – особенно если это

¹⁶ *Сумах* – род деревьев и кустарников, растущих в Америке, Африке и Азии и богатых дубильными веществами. Некоторые виды употребляются как приправа в пищу. – *Примеч. ред.*

¹⁷ *Танин* – фенольное соединение, содержащееся во многих растениях; применяется для дубления кожи, протравливания тканей и в медицине в качестве вяжущих средств. – *Примеч. ред.*

что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

Пока разделка туши продолжалась, из убежища появились Дьюк с матерью. Миссис Фарнхэм была в хорошем настроении, но здороваться ни с кем не стала и уставилась на оленью тушу.

– О, бедняжка! Дьюк, дорогой, как ты мог убить его?

– Я несколько раз промахивался и потому очень разозлился на него.

– Отличная добыча, Дьюк, – похвалил Хью. – И прекрасная еда.

Грейс смерила мужа презрительным взглядом:

– Может быть, ты и станешь есть ее, а я на это не способна.

Карен изобразила искреннее удивление:

– Мама, ты что, стала вегетарианкой?

– Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не могу больше этого видеть. Карен, прежде чем заходить внутрь, обязательно помойся. Я не желаю, чтобы ты перепачкала кровью все то, что я вылизала до блеска. – Она направилась к убежищу. – Пошли, Дьюк.

– Сейчас иду, мама.

Карен со злостью рубанула тушу.

– Где ты подстрелил ее? – поинтересовался Хью.

– На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

– Что же тебя задержало?

– Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь последний раз я стрелял из лука много лет

назад.

– Две стрелы и одна туша – это совсем неплохой результат. Ты сохранил наконечник?

– Конечно, а что, я похож на глупца?

– Ты-то нет, а вот из меня точно сделали дурочку, – сказала Карен. – Братишка, ведь это я навела порядок в убежище. Если мать что-то и убрала, то только за собой.

– Я знаю.

– Бьюсь об заклад: как только мать учует запах жаркого, она сразу передумает.

– Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав знак Дьюку следовать за собой.

– Я рад, что Грейс выглядит довольной и умиротворенной. Видимо, ты успокоил ее...

Дьюк смутился:

– Понимаешь, ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее нельзя... Я дал ей совсем немного, только одну порцию, и пообещал, что разрешу выпить еще одну перед обедом.

– Кажется, этого вполне достаточно.

– Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка осталась там, внутри.

– Пожалуй.

– О, не беспокойся! Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с ней обращаться, папа.

– Это верно. Не умею.

Из дневника Барбары Уэллс

Я вывихнула лодыжку и поэтому ходить не могу. На досуге я решила заняться дневником. Вообще-то, стенографические записи я делаю каждый вечер, но расшифрованы из них пока очень немногие.

Пишу я на чистых листах «Британники» – их в конце каждого тома по десять страниц. А всего энциклопедия насчитывает двадцать четыре тома. На каждой странице я стараюсь уместить по тысяче слов. Таким образом, у меня будет место для двухсот сорока тысяч слов – вполне достаточный объем для записи нашей истории до тех пор, пока мы сами не научимся делать бумагу, особенно потому, что рукописный вариант я подвергаю строгой цензуре.

Потому что мне некому поплакаться в жилетку, а девушке это порой так необходимо! Этот стенографический вариант – заодно и мой дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно полный профан в стенографии (в чем она сама честно призналась).

Хотя, быть может, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо – настоящий джентльмен и никогда не станет читать чужой

дневник без разрешения. Мне нравится Джозеф. Его доброта не напускная. Я уверена, что он в душе переживает очень многое, но никогда не позволяет себе говорить об этом вслух. Его положение здесь так же ненормально, как и мое, только оно гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала посылать его туда-сюда, что, впрочем, не мешает ей теперь гонять за каждой мелочью нас. Хью тоже отдает распоряжения, но всегда для общего блага. Да и не так уж часто он распоряжается: мы уже вжились в обстановку и погрязли в рутине. Я – фермер и решаю самостоятельно, чем заниматься. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным. Хью запланировал свою работу, кажется, уже столетия на два вперед. Джо ему помогает.

Грейс же своей обязанностью считает донимать всех своими капризами. Обычно мы потакаем им – так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа жизни является то, что она старается причинить окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Миссис Фарнхэм уже прикончила львиную долю спиртного. Сама я к нему равнодушна и, слава богу, пока в нем не нуждаюсь. Но, находясь в приятной компании, я не прочь пропустить глоток-другой, хотя при этом меня преследует мысль, что это не мое виски, а Хьюберта.

Грейс разделалась со своей долей в три дня. Ту же участь она уготовила доле Дьюка. Как оказалось, виски ожидал ско-

рый конец. И вот осталось только кварта бурбона, которую мы называли «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он закопал ее, и извлекла бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Грейс кричала. Она плакала. Она грозила покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный фингал под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витамином В₁ и кормить силой.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый встала и выглядела почти нормально.

Но за обедом она заявила как о чем-то общеизвестном, что русские начали войну как раз потому, что Хью построил убежище.

Она не казалась рассерженной этим, скорее, в ее словах было смирение. В конце концов миссис Фарнхэм заключила, что война скоро закончится и мы все вернемся домой.

Никто не спорил с ней. К чему? Кажется, ее помешательство безобидно. К удивлению, она наконец безропотно приступила к выполнению обязанностей повара, правда еще вопрос, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она больше ведет разговоры о том, какие замечательные блюда могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше,

много работает и временами так злится, что кричит даже на меня, а потом ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о том, что она должна быть более терпимой.

Мне не следует задевать Дьюка: возможно, он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу его, но не представляю, как буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и Карен. Поначалу он все ссорился с отцом (мне казалось это очень глупым), но теперь они уживаются более чем мирно.

Да, пожалуй, в этих краях он – завидная партия.

Что касается меня, то я совершенно не тороплюсь устраивать свою судьбу, хотя и против ничего не имею. Правда, я один раз уже обожглась... Но Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей и вообще стараемся не прикасаться друг к другу и не оставаться наедине, а я больше не строю ему глазки. Кончено.)

Вся беда в том, что, хотя мне и нравится Дьюк, между нами не вспыхивает искра. Поэтому я инертна и стараюсь избегать обстоятельств, при которых он может ущипнуть меня за задницу. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в

одну из ночей после нашей свадьбы, будучи до предела раздраженной поведением его матери и его попустительством ей, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Нет, такого не должно случиться. Дьюк не заслуживает подобного обращения.

Джо? Мое восхищение им совершенно искреннее, и у него нет проблем с матерью.

Джо – первый негр, с которым мне удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня наилучшие. Он лучше меня играет в бридж, я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище, не вымывшись. О, конечно, после дня тяжелой работы от него воняет как от козла. Но ведь и от Дьюка разит, а от Хью еще сильнее. Я вообще не верю в эти слухи о специфическом «мускусе ниггеров».

Вы когда-нибудь были в грязной дамской комнате? Женщины воняют хуже мужчин.

С Джо та же беда, что и с Дьюком. Не хватает искры. К тому же он застенчив и вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, Джо отпадает.

Но он мне нравится... как мог бы нравиться младший брат. Он всегда готов оказать помощь. Именно он, как правило, охраняет нас с Карен во время купания, и всегда приятно знать, что Джо начеку. Дьюк уже убил пять медведей, а одного убил Джо – как раз когда охранял нас. Он выпустил в

него три пули. Медведь упал у самых его ног, но наш верный страж не отступил ни на шаг.

Между купаниями мы отдыхаем на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо больше, чем медведи, волки, койоты, пумы... или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это кот, который, по мнению Дьюка, мутировал из леопарда, а потому особо опасен, так как бросается на жертву с дерева. Мы не купаемся под деревьями и не рискуем удалиться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Это так же опасно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся. И, по крайней мере, один из видов ядовит.

Джо и Хью как-то утром продолжали работу по выравниванию убежища. Когда Джо спустился в яму, Доктор Ливингстон – Я Полагаю прыгнул за ним. Как оказалось, внизу притаилась змея.

Док учуял ее и зашипел. Джо заметил змею только тогда, когда она уже успела укусить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу.

Бросившийся на помощь Хью тут же разрезал ранку ножом и через считанные мгновения отсосал кровь. Он наложил жгут и насыпал в рану марганцовки. Когда я прибежала к ним, услышав крик, почти все уже было сделано. Потом он ввел Джо противоядие от укусов гремучих змей.

Перетащить Джо в убежище оказалось целой проблемой.

В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось переползти через него и тянуть за собой. Я толкала неподвижное тело сзади. А чтобы поднять его по лестнице, понадобились уже усилия трех человек: помогла Карен. В помещении мы раздели Джо и уложили в постель.

Около полуночи, когда дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался, Хью принес в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил туда газ.

К утру Джо стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дюк сказал, что это была какая-то гадюка, возможно бушмейстер – одна из разновидностей гремучих змей. Поэтому противоядие, которое ввели Джо, и спасло ему жизнь.

Я, во всяком случае, до смерти боюсь *любых* змей.

Земляные работы заняли три месяца. Камни! Вокруг убежища – ровная, обширная долина, которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда мы натыкались на большие валуны, то женщины обкапывали, а мужчины разбивали их и вытаскивали наружу с помощью веревок и блоков.

Большую часть булыжников удалить было довольно просто. Но однажды Карен наткнулась на валун, который, казалось, проходит планету насквозь и снова выходит наружу

где-нибудь в Китае. Хью окинул его взглядом и бодро сказал:

– Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, только непонимающе взглянула на Хью.

Пришлось нам копать. Вскоре мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как и первый.

– Прекрасно, – сказал Хью. – Теперь копайте еще одну яму к северу от этого.

Мы напоролись на третий валун, еще большего размера. Уже через три дня последний из валунов очутился в яме, вырытой рядом с ним, второй успокоился в яме из-под третьего, а первый, с которого все началось, благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того как отдельные участки подкопа становились достаточно глубокими, Хью подпирал их бревнами. Он очень торопился, боясь, как бы убежище не качнулось и не придавило кого-нибудь из нас. Поэтому, когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

Наконец Хью укрепил два угла убежища, нависшие над подготовленной площадкой, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные подпорки с помощью блока и веревки. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. Делая это, Хью очень волновался и, опасаясь несчастного случая, старался обойтись собственными силами. Теперь убежище удерживали в равновесии только два крайних

бревна.

Вынуть их было невозможно.

На них приходилась такая огромная нагрузка, что они просто смеялись над нашими усилиями. Я спросила:

– Что же теперь делать, Хью?

– Попробуем применить предпоследнее средство.

– Какое?

– Сжечь бревна. Но для этого придется сначала удалить траву и кусты в тех местах, где они могут загореться. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне необходимо и то и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью понадобилось столько нашатыря. Запас был действительно велик и хранился в больших пластиковых бутылках, которые, как ни странно, благополучно перенесли все испытания. Я не знала, что заготовлена такая уйма йода: я не занимаюсь лекарствами.

В импровизированной химической лаборатории закипела работа.

– Что ты делаешь, Хью? – спросила я.

– Эрзац-динамит. Посторонних прошу удалиться, – ответил он. – Штука опасная: взрывается даже от неосторожного взгляда.

– Прошу прощения, – пролепетала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся:

– Эта смесь безопасна, пока не высохнет. Я припас ее на случай партизанской войны. Оккупационные войска доволь-

но косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном йоде или нашатыре нет ничего подозрительного. Каждый из них в отдельности совершенно безопасен. Но стоит их только соединить... Правда, я никогда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

– Хью, кстати, мне совершенно безразлично, ровный пол или нет.

– Если нервничаешь, пойди прогуляйся.

Сделать взрывчатку оказалось делом нехитрым. Хью слил вместе раствор йода и обыкновенный нашатырный спирт, в результате чего выпал осадок. Он отфильтровал ее через «клинекс». Полученную кашу он разложил на несколько порций, завернул каждую из них в бумагу, а затем заложил пакетики в отверстия, которые Джо высверлил в упрямых столбах.

– Теперь придется ждать, пока высохнет.

Хью вымыл все то, с чем работал, искупался прямо в одежде, снял ее в воде и оставил, придавив камнями. На том день закончился.

В нашем арсенале имеются два прекрасных карабина двадцать второго калибра с оптическим прицелом. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Они оборудовали позиции мешками с песком... на самом деле кучками земли. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные: он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычно его

девиз: «Одна пуля – один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все, что могло разбиться. Нас, женщин, отогнали на безопасное расстояние. Карен поручили держать Дока Ливингстона, а я, вооружившись ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища сто футов, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними и спросил:

– Можно начинать отсчет?

– Можно, Хью.

– Давай, отец.

– Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться... Пять... четыре... три... два... один... **ОГОНЬ!**

Раздался грохот, как будто великан в сердцах хлопнул гигантской дверью, и середины обоих столбов как не бывало. Какую-то долю секунды убежище торчало без опоры, словно полка, затем оно грузно качнулось, дошло концом до земли и осталось в ровном положении.

Мы с Карен разразились приветственными криками. Грейс захлопала в ладоши. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью, улыбаясь, наслаждался представшей его глазам картиной.

В этот момент земляной гребень, на котором стояло убежище, просел, оно дрогнуло и стало медленно сползать по склону вниз, вращаясь по ходу вокруг выступа, скрывавшего лаз. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уже думала,

что его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался, и вскоре убежище остановилось. Туннель был теперь забит землей, а вся эта штука накренилась еще сильнее, чем раньше!

Хью взял лопату, спустился к убежищу и, как ни в чем не бывало, начал копать. Я побежала вниз; по щекам у меня ручьем текли слезы. Джо опередил меня.

Хью поднял голову и распорядился:

– Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином.

– Босс... – Джо поперхнулся. – Босс... Какая беда!

Тогда Хью тоном, которым разговаривают с детьми, сказал:

– Чем ты огорчен, Джо? Это избавило нас от лишней работы.

Я решила, что он шутит. Джо тупо спросил:

– *Что?*

– Да-да, – уверил его Хью. – Смотри, насколько ниже теперь расположена крыша. Каждый фут, на который убежище опустилось, сэкономит нам по крайней мере, футов сто акведука. А выровнять снова убежище здесь уже гораздо проще – тут земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. Тогда мы сможем заняться проведением воды в дом и на огород. И закончим все недели на две раньше, чем

планировали.

Он оказался прав. Через неделю мы выровняли убежище, и на сей раз Хью установил последние опорные столбы с перемычками так, что взрывать их не понадобилось. И, что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь в нашем доме в изобилии свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище было душно, а от свечей сильно воняло. В тот же день Хью и Джо приступили к рытью канавы. В предвкушении торжественного дня Карен на стенах кладовой сделала наброски умывальника, ванны и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. Когда Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы за столом на стульях и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, насколько лучше жить в убежище, когда пол горизонтальный и когда не нужно спускаться по лестнице и пробираться через узкий туннель, а можно просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку печь не перенесла выпавших на ее долю испытаний, готовить приходится на костре. Но мы с Карен не жалуемся, так как Хью обещал, что после подведения воды он займется гончарным делом и изготовит не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в отверстие от перископа. Какая роскошь!

Моя кукуруза растет не по дням, а по часам. Вот еще вопрос: как размолоть зерно. От мыслей о горячем, свежееиспе-

ченном кукурузном хлебе с ломтиком оленьего сала у меня бегут слюни.

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

Во всяком случае, будем считать, что оно наступило. Хью полагает, что если мы и ошибаемся, то всего на один день.

Вскоре после того, как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал большой плоский камень, и обтесал его ствол так, чтобы он отбрасывал на камень ровную тень. Мне, как хранителю огня, вменили в обязанность сидеть ежедневно у этого камня в районе предполагаемого полудня и отмечать конец тени, когда она становится наиболее короткой.

Тень постепенно становилась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения перестали быть заметными. Я сообщила об этом Хью, и мы взялись наблюдать вместе. А три дня назад наступил поворотный момент... Тот день мы сочли двадцать вторым декабря, и сегодня празднуем Рождество, а не Четвертое июля. Но мы все же подняли наш флаг, как и планировал Хью, – на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. Оставленное без сучьев, оно казалось настоящим флагштоком. Я, как хранитель огня, ежедневно поднимаю и опускаю флаг, но в первый раз был особый случай. Мы стали тянуть жребий, и честь первый раз осуществить церемониал выпала Джо. Когда он начал медленно поднимать полотнище вверх, все выстроились в ше-

ренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было трудно. Все при этом так плакали, что едва могли петь.

Затем мы принесли присягу. Эта процедура в исполнении несчастных оборванцев, возможно, могла показаться сентиментальной чепухой, но я думаю иначе. Мы по-прежнему единая нация, верующая в Господа и провозгласившая свободу и справедливость для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом Карен помолилась, а мы пели рождественские песни. У Грейс оказалось сильное, уверенное сопрано, у Джо – звонкий тенор, а у Карен, меня, Хью и Дьюка – соответственно сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, хор звучал неплохо. Во всяком случае, мы остались довольны, даже несмотря на то что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипывать и едва не заразила остальных.

Служба у нас была бы и без Рождества, потому что сегодня воскресенье по старому календарю, а Хью проводит службы каждое воскресенье. Присутствуют на них все, в том числе и Дьюк, хотя он убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного Писания, потом мы поем гимны. Затем Хью или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом...». Кажется, мы возвращаемся ко временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Странно, Хью никогда не использует «Верую», и его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже не заканчивает их воззванием к Господу и неизменным «аминь».

В один из тех редких случаев, когда нам удалось поговорить наедине (на прошлой неделе мы наблюдали с ним за приближением полудня), я спросила его, как он относится к вере (для меня всегда было важно знать, какой веры придерживается мой мужчина, хотя Хью и не мой мужчина и никогда им не будет).

– Можешь считать меня экзистенциалистом.

– Так ты не христианин?

– Я так не говорил. «Не христианин» – это не отрицание, а утверждение. Не буду заниматься определениями, чтобы не сбить тебя совсем с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

– В общем... да.

– Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Если в мире нет добра и нет Бога, эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи – и по-прежнему безвредны. Ведь мы не обираем крестьян, не приносим кровавые жертвы и не тешим свое тщеславие под видом религии. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни религия всегда была для меня чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не

могу сказать, что я отличалась особым религиозным рвением. Но безбожное служение Хью Богу неожиданно стало для меня чем-то высоким и важным.

Воскресенье отличается от прочих дней не только проведением службы. Хью не разрешает нам работать в этот день. Мы приводим себя в порядок, моемся, предаемся любимым занятиям, играем или забавляемся как-нибудь. Шахматы, бридж, скребл, лепка, пение хором и все такое прочее... или просто болтовня. Игры очень важны: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых – выжить во что бы то ни стало, и дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем ежевечерний роббер. Он как бы служит символом того, что наша жизнь не заключается только в прополке, рытье канав и разделке туш.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась парикмахерскому делу. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, как они выйдут из положения, когда закончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет их на мыльном камне.

Рождество еще не прошло: сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен убили на него целых два дня. Мы отведали речную форель в специях, речных раков на пару, стейки с жареными

грибами, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы «Грейс продакшн» и, что самое главное, целую кастрюльку домашней тянучки, так как сгущенное молоко, шоколад и сахар невосстановимы. Обед завершился растворимым кофе и сигаретами. На долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Все получили подарки. Единственное, что я имела при себе, кроме одежды, когда так неожиданно оказалась в убежище, – это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и они сохранились почти новыми. Я подарила их Карен. В косметичке была помада – она досталась Грейс. Из кожи сумочки я сплела ремень – его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я его выстирала, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и преподнесла Дьюку.

И только сегодня утром я придумала, что подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик, на обложке которого золотом была вытеснена моя девичья фамилия. В нем осталась чистой добрая половина листов. Хью он может пригодиться, но самое главное – это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в жизни у меня не было такого счастливого Рождества.

Карен и Барбара занимались всеми делами сразу: купались, мыли посуду в ручье и стирали белье. Джо не遠далеке бдительно нес вахту. Вокруг места, где они обычно располагались, кусты, а затем и деревья были постепенно вырублены, чтобы хищник, если он появится, не остался незамеченным. Юноша непрерывно оглядывал окрестности, ни на секунду не отвлекаясь на созерцание охраняемой им райской сцены.

– Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем обветшала, – сказала Карен.

– Ничего, ветошь нам тоже пригодится.

– Да, но что же мы будем использовать вместо простыней? А все это мыло. – Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоявшей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и сильно напоминала овсяную кашу. – Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

– Простыни – еще полбеда, а вот что будет, когда не останется ни одного полотенца?

– Да, притом последнее непременно окажется мамочкиным, – с иронией добавила Карен. – Наш хранитель обязательно выдумает причину для такого распределения.

– Зря ты так, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

– Да знаю я, знаю. Дьюка и в самом деле нельзя винить. Это происки его приятеля Эдди.

– Какого еще Эдди?

– Эдипова комплекса, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заношенных джинсов.

– Ты согласна со мной? – спросила Карен.

– У каждого могут быть слабости.

– Да. Вон даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась:

– А разве у него болит шея? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула:

– Знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты абсолютно не понимаешь шуток. Просто у отца несгибаемая шея упряма, и этого уже ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку. Я просто восхищаюсь им, но тем не менее рада, что не похожа на него. – Она отнесла белье к кустам терновника и принялась его развешивать. – Проклятье! Почему отец не догадался запастись бельевыми прищепками? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

– Без прищепок мы вполне можем обойтись. Хью и так запасася невероятным количеством необходимого. Буквально всем, начиная с будильника с восьмидневным заводом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.